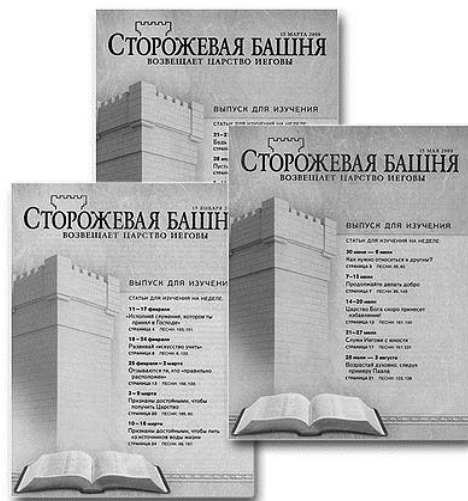
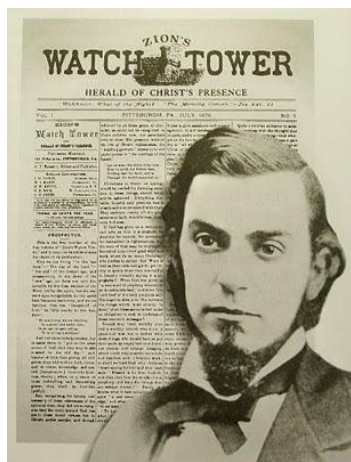
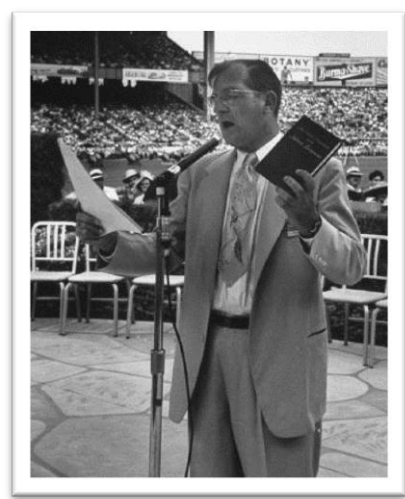
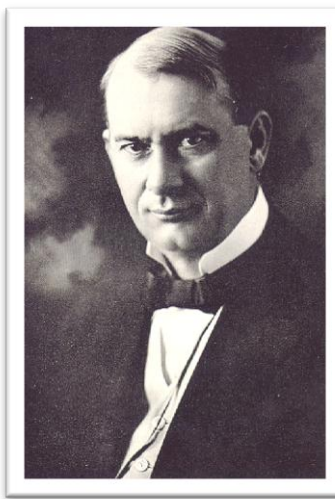
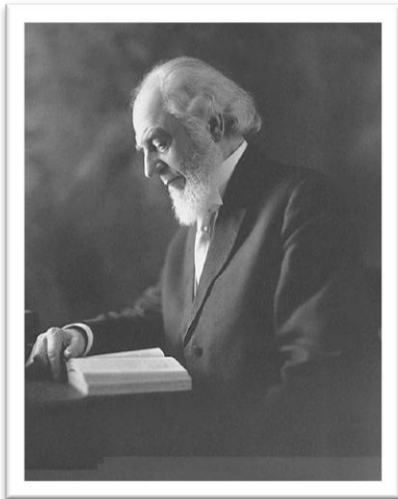

Григорий Светлов

Фундаментальные ошибки богословия или о том, почему я не могу быть «Свидетелем Иеговы».

Всем «Свидетелям Иеговы» посвящается...

"Слова опровергаются словами, но чем опровергнешь жизнь?"

(св. Григорий Богослов, † 389 н.э.)

Отказ от своих убеждений является одним из самых тяжелых решений в жизни человека. Особенно, когда речь идет об убеждениях религиозных, которые пронизывают все естество человека. Они, вращаясь в плоть и кровь, становятся частью личности. От того история религии знает множество случаев, когда люди расставались со своей жизнью из-за своих взглядов.

На мою долю выпало пройти тернистый путь отречения от религиозных убеждений, которые я исповедовал более 12 лет своей жизни, значительную часть из которых как полномочный служитель Организации Свидетелей Иеговы. Бессонные ночи отчаяния и постоянных молитв стали моими неразлучными спутниками на этом нелегком пути прозрения.

Сдвиг парадигм и изменение мировоззрения никогда не даются легко, особенно когда они были не дополнительным приложением, но самой жизнью и ее смыслом. Признаться самому себе в том, что многие годы абсолютной убежденности были временем искреннего самообмана и заблуждений, весьма и весьма трудно. Лишь только подлинная любовь к истине способна преодолеть эти препятствия.

Мое прозрение не было, да и не могло быть, одномоментным. К нему я был внутренне готов, и готовность эта отнюдь не была случайной. По мере углубления в учение Организации и изучения Библии я не мог освободиться от ощущения некоторой неестественности и натянутой манеры интерпретации библейских стихов. При чтении публикаций я то и дело чувствовал, как библейские тексты буквально со скрипом вмещались в доктринальную систему Организации.

Частые беседы с представителями христианских конфессий иногда ставили меня прямо в тупик. Я, например, всегда опасался, когда в беседах с тринитариями мне показывали слова Фомы и реакцию Иисуса из Ин. 20:28,29¹. Их объяснения некоторых стихов казались мне более естественными и по духу более близкими Евангелию. Однако стопроцентная убежденность в правоте нашей Организации была мощной стеной, о которой разбивались все доводы оппонентов.

После таких дебатов я часто принимался за поиск контраргументов в публикациях Общества, но к своему разочарованию обнаруживал, что в публикациях обсуждаемые тексты либо недостаточно освещались, либо попросту обходились стороной. Стоит отметить, что, не смотря на свой гигантский печатный потенциал, Общество не издает столь распространенных в христианском мире комментариев, которые разбирают Библию стих за стихом. Это позволяет толковать Писание фрагментарно, не затрагивая неудобных отрывков.

Помню, как однажды после общения с евангелистами, я обратился к районному надзирателю с вопросом по Рим. 11:25, но в ответ ничего вразумительного не услышал. В другой раз, наткнувшись при личном чтении на смущающий меня стих, в котором ясно говорится о том, что смерть не освобождает от ответственности за совершенные при жизни грехи (2 Кор. 5:10), я обратился к новому районному надзирателю с вопросом о разъяснении

¹ Проблема заключалась в том, что объяснение Общества не отвечало на вполне очевидный вывод. Согласно ап. Иоанну восклицание Фомы было сказано Христу, а не к небу: «Фома ответил **ему**: «Господь мой и Бог мой!»».

его смысла. Но он, прочитав его один раз, сказал, чтобы я посмотрел объяснение в книге «Рассуждение». К сожалению, ни в этой, ни в какой другой книге, объяснения этого стиха я так и не нашел.

Естественно все эти эпизоды оставляли свой след в памяти. Так год за годом их критическая масса увеличивалась, пока я не соприкоснулся с книжной библиотекой христианского богословия, к которой я получил свободный доступ. К этому моменту я перечитал все доступные публикации Общества, причем они не ограничивались лишь русскоязычными изданиями.

За годы самостоятельного чтения Библии я пришел к пониманию того, что Божественное Откровение и Писание намного глубже и более многогранно, чем это преподносилось в публикациях Общества. Я чувствовал, что наши богословские схемы слишком упрощены, а кое-где даже примитивны. Для большинства же СИ простота учения весьма желанна. Считается, что истина *должна* быть простой. Однако известно, что любое упрощение ведет к обкрадыванию смысла и, в конце концов, переходит ту черту, за которой, наступает явное искажение самого содержания.

И вот тогда я открыл для себя мир христианского богословия и герменевтики. Настоящим открытием для меня стала «Толковая Библия» под редакцией проф. А. Лопухина, а также множество других книг, в том числе дореволюционных изданий по богословию и библеистике, которые окунули меня в совершенно другой мир Писания. Мир богатый и глубокий.

К своему удивлению я обнаружил, что древние сочинения Отцов Церкви по пониманию Библии были превосходными трудами, которые отличались своей естественностью, логикой и убедительностью. Я не мог не заметить, что древние христиане и учителя Церкви были носителями языков оригинала и жили практически в той же культурно-исторической эпохе, что и апостолы, а потому, хотя бы поэтому, они могли адекватней воспринять Евангелие, чем американские проповедники XIX века.

Не меньшим откровением для меня стал уровень современной православной библеистики и экзегезы, благодаря которым я смог понять смысл многих неясных текстов Писания. А каким же удивлением было обнаружить на страницах дореволюционных православных изданий имя Иеговы!

Меня всегда живо интересовал вопрос точного перевода Библии. Я знал, что перевод Общества под названием «Новый мир» весьма сильно отличался от нормативных, например, от перевода еп. Кассиана, Современного перевода, перевода Кузнецовой, Кулакова и других. Теперь же у меня появилась возможность обратиться к подстрочникам и разным известным переводам, как на русском, так и на английском языках. Книги по библейской текстологии и грамматике греческого языка, а также лексиконы, привели меня к осознанию явного несоответствия ПНМ тексту подлинника (особенно греческого)².

Я читал все, что можно было прочитать, и чем больше я читал, тем меньше мне хотелось читать публикации Общества. Мне стало жутко скучно и душно. Главным же следствием глубинного проникновения в мир христианского богословия стало ясное понимание того, что Библия несамоочевидна и что она может интерпретироваться по-разному, в зависимости от

² Например, мне не давала покоя, совершенно тенденциозная передача Фил 2:6 в ПНМ. Я не мог понять, как Комитет по работе над ПНМ мог так явно исказить смысла подлинника в угоду официальной доктрине!?

исходной позиции читателя. Я пришел к единственно возможному выводу, что для правильного понимания Писания необходим верный критерий, некое неизменное в веках мерило веры, по которому можно было бы оценивать учения, основанные на толковании Библии. Причем это «правило веры» должно предшествовать самому Писанию.

Я все больше убеждался, что мы были готовы жертвовать ясным смыслом библейских стихов, лежащим на поверхности, ради нашего вероучения. Некоторые утверждения откровенно воспринимались мной как безжизненные и далекие от реальности³. Я чувствовал, что путь человека к Богу не поддается конвейерной технологии спасения, а окружающий мир не расписан лишь в черно-белый цвет. Мы стало невыносимо тесно, оттого что единство в Организации подменялось навязанным сверху единообразием, а христианская индивидуальность терялась в серых шеренгах проповеднических отрядов возвестителей.

Меня поражал безусловный христоцентризм Нового Завета и разочаровывала совершенно условная христоцентричность Организации. Я чувствовал, что мы были очень далеки как по форме благочестия, так и по духу веры от первых христиан. Слишком много было американской технологичной схематичности и слишком мало подлинно евангельской духовной свободы.

Просто о главном

Душей и сердцем любой религии является учение о спасении. Собственно говоря, это то, что ищет каждый верующий человек – спасения. Если религия не отвечает на вопрос «Как спастись?», в ней нет никакого смысла. СИ утверждают, что именно они являются единственной истинной религией и, следовательно, только они знают, как обрести спасение и в чем оно заключается.

У многих людей слово религия вызывает резко отрицательное отношение. Как известно, в годы президентства Дж. Рутерфорда, СИ, например, выступали под лозунгом «Религия — это сеть и обман». В действительности же это понятие не несет в себе какой-либо отрицательной коннотации. Все зависит от того, какой смысл мы вкладываем в это понятие.

Существует несколько мнений о происхождении этого латинского слова. Известный западный христианский писатель и оратор Лактанций (†330 г.) считал, что термин «религия» происходит от латинского глагола *religare*, означающего *связывать, соединять*. Поэтому и религию он определял как союз благочестия человека с Богом⁴. Подобным же образом понимал существо религии и блаженный Августин (†430 г.), хотя он считал, что слово «религия» произошло от глагола *reeligere*, то есть *воссоединять*, и сама религия означает воссоединение, возобновление когда-то утерянного союза между человеком и Богом⁵.

Люди издревле чувствовали необходимость в связи с Божественным. Древние всячески искали этой связи и потому изобретали всевозможные способы ее установления. Однако только в Библии мы находим исчерпывающий ответ на вопрос, зачем человеку нужна религия? С первых страниц Библии мы узнаем о бытийном единении Бога с человеком и вселенской трагедии, которая привела к потере этого животворящего соединения.

³ Например, абсурдное убеждение, будто Библия написана главным образом для «помазанников».

⁴ Рождественский Н.П. «Христианская апологетика»: В 2 т. СПб., 1884. Т. 1. С. 136.

⁵ «О граде Божиим». Цит. по: Рождественский Н.П. Указ. соч. С. 137.

Совершенно очевидно, что учение о спасении неразрывно связано с учением о Боге, поэтому если какая-либо религия имеет неправильные представления о Боге, она не сможет дать ответа на вопрос о спасении. Все согласятся с тем, что спасает Бог. Значит нужно знать, что он есть и каким образом он спасает.

Я считаю, что в каждой религии могут быть крайности, человеческие нагромождения и ошибки. Но совершенно недопустимо ошибаться в вопросах, которые имеют самое прямое отношение к нашему спасению. В принципе можно даже закрыть глаза на причудливые хронологические вычисления, многочисленные предсказания конца света и постоянные изменения вероучений, но нельзя игнорировать два самых важных учения: о Боге и спасении.

Вопрос спасения также напрямую связан с антропологией и содержанием духовной жизни христианина, ведь для того чтобы понять, как и от чего нужно спасаться, необходимо понимать, что есть человек. СИ в этих вопросах стоят особняком от всего христианского мира, всячески дистанцируясь от исторического христианства⁶. Учение СИ о Боге, о спасении и о человеке уникальны. Следовательно, либо они единственно правы, либо пребывают в полном духовном заблуждении в отношении основополагающих вопросов религии. Предлагаю объективно разобраться в этом вопросе.

Политеизм по-христиански

Однажды всемирно известный ученый-библеист и текстолог Брюс Мецгер, написавший не один академический труд, сказал о СИ следующее: «Нужно откровенно признаться, что если Свидетели Иеговы относятся к этому переводу всерьез, то они политеисты»⁷. Речь шла о переводе пролога из Евангелия от Иоанна 1:1 («...Слово было богом»). Не слишком ли резка оценка ученого? Вспомним, что политеизм – это вера во множество богов или личностных существ, имеющих божественную природу. Проще говоря, многобожие, которое диаметрально противоположно библейскому монотеизму – вере в одного истинного Бога.

Конечно же, сами СИ не считают себя политеистами. Ими было изведено много чернил для того, чтобы обосновать правомерность своего перевода Ин. 1:1. Не вдаваясь в лингвистические выкладки, напомним позицию Организации: Слово является «богом» в том смысле, что обладает божественной природой. Греческое слово *теос* применительно к Слову имеет качественную характеристику. «Следовательно, утверждение Иоанна о том, что Слово, или Логос, было «богом», «божественным» или «богоподобным», не означает, что оно является Богом, с которым оно было. Речь идёт лишь об определённом качестве, присущем Слову, или Логосу, но никак не о том, что оно является самим Богом»⁸, «в этом стихе не говорится, что Слово (Иисус) является Богом, с которым или у которого оно было, в нем говорится, что Слово было богоподобным, божественным или богом»⁹, «Итак, хотя Иисус и обладает большой властью и божественной природой, Библия не учит, что нужно ему поклоняться»¹⁰.

⁶ Совершенно безосновательное утверждение о распятии Христа на столбе является типичным примером такой позиции.

⁷ Свидетели Иеговы и Иисус Христос: Библейская и теологическая оценка. *Theology Today* 10/1 (April 1953), pp. 65-85.

⁸ Приложение к ПНМ. bi8-аррс. 1742.

⁹ Рассуждение, (rs с. 186 абз. 5 Иисус Христос).

¹⁰ Пробудитесь!, г 2/06 с. 29 «Истинный Бог только один?».

Когда читаешь эти утверждения, невольно создается впечатление, что авторы просто не отдадут себе отчета в том, что говорят. На лицо также полная путаница в понятиях. Богоподобие и божественность взаимно исключают друг друга, так же как человекоподобие и человечность. Человекоподобное существо в принципе не может обладать человеческой природой, потому-то оно и названо лишь *подобным*. Если некто обладает человеческой природой, то он и есть человек. Невозможно иметь человеческую сущность и не быть человеком в полном смысле этого слова. Это абсурд! Точно также невозможно иметь божественную природу и не быть при этом Богом. Ведь Бог является тем, кем он является как раз по причине Божественной природы (Гал. 4:8)¹¹. Если же мы утверждаем, что Единородный Сын обладает божественной природой, но при этом не является Богом во всех смыслах этого слова, мы вводим второго, меньшего личностного бога. Не будет ошибкой назвать такой взгляд не иначе как двоебожием.

В брошюре «Следует ли верить в Троицу» (2006 г.) на 28 странице авторы пытаются выйти из этого затруднения таким образом: *«ПРОТИВОРЕЧИТ ли утверждение, что Иисус Христос — «бог», библейскому учению о том, что существует только один Бог? Нет, потому что это слово иногда применяется в Библии и к могущественным созданиям. В Псалме 8:6 (Соп) говорится: «Почти что уподобив их [людей] богам [евр. 'элохíм]», то есть ангелам. Когда Иисус отвечал чудей, которые обвиняли его в том, что он делал себя равным Богу, он отметил, что «[в Законе Бог] назвал богами тех, к которым было слово Божие», то есть судей из числа людей (Иоанна 10:34, 35; Псалом 81:1—6). Даже Сатана во 2 Коринфянам 4:4 называется «богом века сего». Иисус занимает положение гораздо выше ангелов, несовершенных людей и Сатаны. Если уж они называются «богами», могущественными, то, конечно, можно назвать «богом» Иисуса. Уникальное положение, которое занимает Иисус по отношению к Иегове, позволяет назвать его «Богом крепким» (Иоанна 1:1; Исаия 9:6)».*

Однако данное объяснение ничего, по сути, не проясняет. Ведь всем понятно, что ангелы, фараон и сатана как могущественные личности называются в Писании «богами» условно, но никак не в онтологическом смысле¹². О Христе же в Писании говорится совершенно иначе: «в нём воплотилась и обитает **вся полнота Божьей сущности (гр. *тебтетос*)**¹³» (Кол. 2:9, ПНМ). Комментируя этот стих, Общество пытается нивелировать его значение: *«Согласно «Древнегреческо-русскому словарю» И. Х. Дворецкого, **тебтес** (форма именительного падежа, от которой образовано тебтетос) переводится как «божественная природа, божественность» (Т. 1.С. 778). То, что Иисус имеет «божественную природу», еще не значит, что он, как Сын Бога, равен Отцу по положению и совечен ему. Все люди имеют «человеческую природу», но это не значит, что все они равны по положению или что все они одного возраста»¹⁴.*

¹¹ В энциклопедии «Понимание Писаний» (англ., стр. 474) говорится: «Ложные боги, которым поклонялись люди, не были по своему происхождению истинными богами. В их случае невозможно иметь такой статус. Они не просто не обладают нужной властью, чтобы быть богами, но и не имеют необходимых свойств, присущей их природе или сущности (Гал. 4:8)»

¹² Здесь и далее термин «онтологический» употребляется в обычном философско-богословском смысле в значении «бытийный, сущностный, имеющий непосредственное отношение к реальности».

¹³ Греческое слово *теотес* встречается в Библии только здесь. Оно означает Божество. «Божество по-гречески обозначается двумя терминами: θεοτης и θειότης. Первое слово происходит от термина θεος и употребляется для обозначения божеского существа, а второе, происходящее от прилаг. θειος = божественный – употребляется для обозначения свойств Божества (ср. Рим 1:19-20). Ясно, что Ап[остол] здесь хочет дать понять своим читателям, что в Христе имеются не только божественные свойства(θειότης), но пребывает и Сам Бог (θεος): Он – по существу Бог» («Толковая Библия» Лопухина, стр. 1206).

¹⁴ «Рассуждение», стр. 408, абз.4. Подобным образом этот стих комментируется в энциклопедии «Понимание Писаний» (англ., том I. стр.639)

Хорошо, попробуем логически завершить это сравнение. Получается, что все духовные сущности обладают одинаковой божественной природой, но лишь одна из них извечна и всемогуща. Только вот в силу чего?! СИ, кажется, не понимают очевидной истины: вечность и всемогущество Бога обусловлены как раз Его уникальной природой. Они являются неотъемлемой частью Божеского естества. В случае же с людьми их положение и возраст, будучи внешними факторами, не присущи самой природе человека. Теоретически любой человек может стать президентом. Так же как все люди, рано или поздно в силу времени достигнут определенного возраста.

Подобным же образом этот стих комментируется в энциклопедии «Понимание Писаний» (англ., том I. стр.639), где в статье под названием “Divine” представлено обсуждение греческих слов Нового Завета, которые являются производными от слова *теос*. Так, обсуждая слово *теотетос* (Кол. 2:9), авторы семантически уравнивают его с другим греческим словом *теиотес* (Рим. 1:20), которое указывает на качественную характеристику. В действительности же между этими словами есть существенное различие, которое становится очевидным при анализе употребления этих слов в греческих внебиблейских текстах, максимально близких к эпохе Нового Завета (в частности у Лукиана и Плутарха). В отличие от *теиотес* (которое может применяться и к человеку, и душе, и закону), *теотетос* выражает идею абсолютного Божества¹⁵.

Только истинный Бог может быть Господом Богом, потому что его естество и бытие абсолютны и неповторимы: **«Кто на небе сравнится с Иеговой? Кто из сыновей Бога уподобится Иегове?»** (Псалом 89:6, ПНМ). Сравним теперь этот псалом с утверждением ап. Павла: **«Который, будучи в образе Божиим, не счёл для Себя хищением быть равным Богу»** (Фил.2:6, ПЕК)¹⁶. К сожалению, русский язык дословно не способен передать смысл этого стиха. Фраза «будучи в образе Бога» объясняет, почему Сын не считал хищением равенство с Богом Отцом. Дело в том, что использованное здесь греческого слово *морфэ* (образ, форма, вид) несет в себе более глубокую идею, чем просто внешний образ. Под *морфэ* подразумевается «внешнее проявление внутренней реальности или сути»¹⁷. Так, внешний облик человека выявляет в нем именно человека, а не животного и наоборот. Поэтому в некоторых переводах, например Кузнецовой и Кулакова, эта фраза передается как «будучи по природе Богом». Этот стих ясно показывает, что Сын был онтологически Богом в силу своей сущности, которую получил от Отца¹⁸. Потому Христос и мог сказать: «Всё, что есть у Отца,— моё» (Ин. 16:15), «и

¹⁵ Для более детальной информации смотрите отдельное исследование: <http://jw-paradox.narod.ru/Col29.pdf>

¹⁶ В ПНМ этот стих передан так: «который, хотя и был в образе Бога, не помышлял о посягательстве — о том, чтобы быть равным Богу». Как видно, смысл совершенно изменен на обратный! Примечательно, что в «Подстрочнике Царства», который издается Обществом, написано: “not snatching he considered the to be equal to God”, что соответствует классическому переводу на русский: «не счел грабежом быть равным Богу». Греческая конструкция, используемая в данном стихе со словом *ἰσχυομαι* («считать что-то чем-то, или кого-то кем-то»), совершенно не позволяет передавать его значение в смысле «помышлять о чем-то». Если Христос не мог и помышлять о равенстве с Богом, то в чем же его смирение? Смирение подразумевает сознательное уничижение по отношению к своему прежнему положению. Если же это состояние не было равно бытию Бога, то мы имеем дело лишь с естественным осознанием своего более низкого положения, а не с сознательным смирением. Пример: если полуграмотный человек, не окончивший даже средней школы, будет заявлять, что он не претендует на нобелевскую премию — можно ли назвать его поведение смирением?

¹⁷ «Новый лингвистический и экзегетический ключ к греческому тексту Нового Завета», Клеон Л. Роджерс-младший, Клеон Л. Роджерс, стр. 703.

¹⁸ «Образ Божий здесь не в том смысле, как в человеке есть образ Божий — черты подобия Богу; а в том, что само естество Его есть Божеское. Для всякого рода существ есть своя норма бытия, по которой тотчас определяем мы: а! это вот кто. Всем известна норма человека, норма животного, норма дерева; так что, взглянув только, мы тотчас говорим: это человек, это дерево, это животное. Применительно к этому есть, рассуждая по-человечески, своя норма бытия и в Боге. Кто имеет сию норму Божеского бытия, тот Бог, как, кто имеет норму человеческого бытия, тот человек. О Господе Спасителе Апостол говорит здесь, что Он по норме бытия — Бог, — бытие Его, существо и

всё моё — твоё, и твоё — моё» (Ин. 17:10). В этом его кардинальное отличие от ангелов, которые не могут ни сравниться, ни уподобиться Богу.

Ни о ком из ангелов не сказано того, что сказано о Сыне! Вся первая глава Послания к евреям посвящена принципиальному отличию Единородного Сына от ангелов. В Евр. 1:3 мы читаем: **«Он является отражением его славы, точным изображением самой его сущности»** (ПНМ). Словом «отражение» передано греческое ἀπαύρασμα, которое может быть переведено как в активном значении (сияние), так и в пассивном (отражение). Это существенно сказывается на смысл мысли автора. Если Сын является сиянием славы Бога Отца, то он не может не быть единосущным и совечным ему, так же как сияние солнца неотделимо от самого солнца. Но совершенно ожидаемо, что СИ передают это слово в пассивном значении, которое делает невозможными подобные выводов. Какой же вариант перевода более точен? Ответ на этот вопрос дает историко-религиозный контекст. Дело в том, что Послание к Евреям пронизано образами, особенно понятными иудеям I века. Выражение «слава Бога», указывающее на явное Божественное присутствие в мире (Шехина), было прекрасно знакомо евреям по ветхозаветным писаниям. «Слава Господня» в Библии обычно связана с образом сияющего света (Ав. 3:4, Иез. 43:2, Ис. 60:2, ср. Лук. 2:9, Отк. 21:23). Сын Божий, таким образом, ассоциируется с Шехиной, чрез которую Бог видимым образом открывает себя миру. Поэтому активное значение «сияние славы» здесь представляется более подходящим.

Греческое слово χαρακτήρ, которое передано в ПНМ как *точное изображение* означает *«отпечаток, образ. Это гравировка или отпечаток, сделанный печатью или краской. Это также характерная черта или отличительный знак. Это слово могло обозначать любую отличительную особенность, и, следовательно, точное воспроизведение»*¹⁹. Можно сказать, что во Христе «отпечатался» своей сущностью Отец, следовательно, является точной копией Бога Отца, его воспроизведением, не только в моральном, но и в онтологическом смысле (Ин. 10:30, 14:9).

В своем Евангелии и письмах ап. Иоанна называет Иисуса Христа в его дочеловеческом состоянии «Единородным Сыном» Бога Отца (Ин. 1:18, 3:16, 3:18, 1 Ин. 4:9). Слово «единородный» (гр. *μονογενής*) означает «единственный, единственно рожденный». В НЗ оно применяется в отношении единственных детей у родителей (Лук. 7:12, 8:42, 9:38, Евр. 11:17). В каком смысле Логос является единственным сыном Бога Отца, ведь и ангелы в Библии называются «сынами Божьими» (Иов. 38:7)? Однако только Христос назван *единственным*. Ап. Иоанн не объясняет, какой смысл он вкладывает в выражение единородства Логоса. Очевидно, в этом не было необходимости, так как его современники-христиане, должно быть, знали, что подразумевал апостол.

Безусловно ясно одно: единородство Логоса делает его уникальным в сравнении со всеми другими сынами Бога. В чем же выражалась эта уникальность? На этот вопрос СИ и

естество есть Божеское. Святой Златоуст поясняет это сличением выражения: *будучи в образе Божьем — с выражением — приняв образ раба*. Здесь образ Божий — морфэ; там образ раба тоже — морфэ. Но образ раба там означает естество человеческое, следовательно, и образ Божий здесь означает естество Божеское. — Против Ария он направляет речь свою так: «Арий говорит, что Сын имеет другую сущность. — Но скажи мне, что значат слова *приняв образ раба*? То, говорит, что Он сделался человеком. Следовательно: и *будучи в образе Божьем — значит был Бог*. Ибо и там и здесь стоит одно и то же слово образ. Если истинно первое, то и последнее. Быть в образе раба — значит быть человеком по естеству, и быть в образе Божьем — значит быть Богом по естеству». Довольно ниже опять возвращается к тому же и говорит: «я сказал, что образ раба есть истинный, и ничем не меньше: так и образ Бога есть совершенный, и ничем не меньше. Посему Апостол не сказал: во образе Божии бывший, но: сый». (Толкование свт. Феофана Затворника на послания ап. Павла к Филиппийцам.)

¹⁹ «Новый лингвистический и экзегетический ключ к греческому тексту Нового Завета», Клеон Л. Роджерс-младший, Клеон Л. Роджерс, стр. 792.

ортодоксальные христиане отвечают по-разному. СИ считают, как и древние ариане, что Бог Отец непосредственно сам сотворил Сына Логоса прежде всех своих творений. Все остальные «сыны Божии» были сотворены уже через Слово. В этом заключается его единственность. Логос единственный, кого непосредственно сотворил Отец, а посему уникален.

Ортодоксальные христиане считают, что единородство Логоса заключается в уникальности его рождения от Отца. Он единственный Сын Бога в самом исключительном и уникальном смысле. Ангелы и все духовные существа были *сотворены* Богом, тогда как Логос был *предвечно рожден* от Отца²⁰. Рожденный и сотворенный принципиально отличаются тем, что первый наследует онтологическое равенство по естеству с родителем, тогда как второй, являясь творением, имеет совершенно отличную от создателя сущность²¹.

В ВЗ мы обнаруживаем предчувствие уникальности Единородного Сына. Так, в Септуагинте, которую использовали первые христиане, об уникальной природе Господа Мессии говорилось: **«Я родил тебя из чрева прежде зари»** («ἐκ γαστρὸς πρὸ ἑωσφόρου ἐξεγέννησά σε») (Пс. 109:3 по LXX). Иными словами, Сын рождается прежде появления мира из самого существа Отца. Его **«происхождение (букв. с греч. «исходы») из начала, от дней вечных»** (Мих. 5:2). Сюда же следует отнести и цитату из псалмов, показывающую принципиальное отличие сына от ангелов: «Ибо кому когда из Ангелов сказал Бог: Ты Сын Мой, Я ныне родил Тебя?» (Евр. 1:5)²².

В Евангелии Иисус сказал нечто, что буквально ускользает от СИ: **«Мой Отец передал мне всё, и никто не знает всё о Сыне, кроме Отца, и никто не знает всё об Отце, кроме Сына и того, кому Сын хочет открыть»** (Матфея 11:27). Задумайтесь, кем же является этот Сын, что о нем всё, знает только Отец!? И что же он за ангел, который знает все об Отце? Знать «всё» – значит познать полностью²³. Можно ли познать Бесконечно вечное бытие и не быть самому тождественным этому Бытию? Посмотрите на то, как в публикациях объясняется это момент:

«Но почему со стороны Иисуса не было преувеличением сказать, что только он знает все об Отце? Он был «первенцем из всего творения», и его связывали с Иеговой особенно близкие отношения (Колоссянам 1:15). Только представь, как крепи узы любви и дружбы между Отцом и Сыном на протяжении невообразимого числа лет, пока они были только вдвоем, и затем, когда они начали вместе творить и появились другие духовные создания (Иоанна 1:3; Колоссянам 1:16, 17). Какой же уникальной возможностью обладал Сын: все это время он мог

²⁰ Предвечное рождение указывает на вневременное бытие Сына. Время как категория появилось с сотворением материальной Вселенной. Без Вселенной времени нет и быть не может, потому мы и читаем в Евр. 1:3: **«чрез которого и века сотворил»**. Согласно же ап. Иоанну: «В начале **было** Слово». Глагол "быть" (eipai), во-первых, является обозначением бытия личного и самостоятельного, в противоположность глаголу "стать" (ginesqai), который обозначает появление чего-либо в известное время. Во-вторых, глагол "быть" употреблен здесь в прошедшем несовершенном времени, которое указывает на то, что Логос уже был тогда, когда всему тварному бытию еще только полагалось «начало» начал (ср. Мих. 5:2б).

²¹ Рассуждения подобного рода СИ именуют философствованием. Однако в действительности это самоочевидная истина, в которой может лично убедиться каждый.

²² В вечности нет прошлого и будущего, есть только вечное настоящее, потому и сказано «ныне» (сегодня).

²³ В связи с этим отрывком стоит привести комментарий бл. Иеронима на Мат. 24:36: «Должно сказать также и следующее: что больше - знание ли Отца или дня судного? Если же Он знает большее, то каким образом может не знать меньшего. Мы читаем следующие слова: «Все, что принадлежит Отцу, предано Мне». Если все, принадлежащее Отцу, принадлежит и Сыну, то почему Отец удержал знание об одном дне Себе и не восхотел вместе с Сыном разделить его? Когда говорит: *Не вам принадлежит [не ваша обязанность] знать*, Он показывает, что Сам Он знает, но что не полезно знать это апостолам, чтобы они всегда, в незнании о приближении дня судного, - жили непрерывно так, как будто на следующий день должны предстать на суд. Наконец, и следующие слова евангельской речи побуждают нас разуметь то же самое».

находиться рядом с Отцом и познавать его образ мышления, волю, нормы и пути. Без сомнения, Иисус не преувеличивал, когда говорил, что он лучше всех знает Отца. Благодаря столь близким отношениям с Иеговой Иисус мог раскрыть личность Отца так, как не сделал бы никто другой»²⁴.

Обратите внимание на то, что согласно мировоззрению СИ непостижимость Бога, оказывается, преодолевается за счет длительности времени познания. Известен древний принцип гносеологии, сформулированный еще Платоном: «подобное познается подобным». Его можно переформулировать как «Божественное познается Божественным». Пропать, лежащая между тварным и Божественным естеством непреодолима, поэтому никакое творение в принципе не может познать Бога полностью (см. Рим. 11:33,34), даже за миллионы лет общения. Это все равно, что как в математике, пытаясь достигнуть конечной точки отрезка, двигаться по прямой к бесконечности, полагая, что за миллионы лет все-таки удастся достигнуть этой конечной точки.

Каждому СИ знакомы слова ап. Павла: «Итак, как потомство Бога, мы не должны думать, что Божья Сущность (гр. *теиос*) подобна золоту, серебру или камню, как некое высеченное произведение искусства и вымысла человека» (Деяния 17:29, ПНМ). Однако мало кто замечает, что ап. Петр называет силу Христа таким же греческим словом *теиос*: «поскольку его [Иисуса Христа] божественной (гр. *теиос*) силой нам дано всё необходимое для жизни и преданности Богу через точное знание того, кто призвал нас славой и добродетелью» (2 Петра 1:3, ПНМ). Логично, что обладая божественной природой, Сын имеет и божественную силу, так как сила является непосредственным свойством природы.

Читая публикации Общества, в которых затрагивается вопрос божественности, создается ощущение, что СИ уподобляются людям, которые оперируют терминами, не до конца понимая их смысл. Таким примером является употребление понятия «качественная характеристика», которое часто употребляется в публикациях применительно к божественности Сына²⁵. Качественная характеристика слова *теос* применительно к Логосу в Ин. 1:1 означает, «что по своей природе *логос* был как *теос*»²⁶. Тринитарий, Филипп Харнер, ученый, чьи слова цитируются в Приложении к ПНМ, подразумевает под этим вполне очевидную вещь: Логос есть Бог, потому что он является им по природе²⁷. В той же статье, на которую ссылается Приложение ПНМ, Филипп Харнер недвусмысленно заявляет, что если бы на греческом языке нужно было выразить мысль, будто Слово лишь в каком-то смысле божественно и не равно Богу, с которым оно было, то евангелист употребил бы слово *θεῖος* (*теиос*), которое как нельзя лучше выразило бы мысль, которой придерживаются СИ²⁸.

СИ умалчивают о том, что в этой же главе Евангелия еще четырежды евангелист не использует определенный артикль перед словом *теос*, когда оно относится к Богу (см. Ин. 1:6,12,13,18). Особого внимания заслуживает последний стих: "θεον Бога ουδεὶς никто εἰδρακεν увидел *пῶποτε* когда-либо» (Ин. 1:18, подст. пер.). Как мы видим, перед словом *θεον* нет артикля. Чем это обусловлено? «Новый лингвистический и экзегетический ключ к греческому тексту Нового Завета» дает следующее пояснение: «Использование *суц[ествительного]* без

²⁴ «Приближайся к Иегове», cf гл.2 с.17—18 абз.7—8 «Путь, истина и жизнь».

²⁵ См. Приложение IV в ПНМ на стр. 1742. Суть обсуждения сводится к интерпретации отсутствия артикля перед словом *теос* применительно к Слову.

²⁶ Там же.

²⁷ «Qualitative Anarthrous Predicate Nouns: Mark 15:39 and John 1:1», Journal of Biblical Literature 92 (March 1973), pp.84-86

²⁸ Там же, 87 стр.

артикла подчеркивает Его природу, а не личность. Следовательно, никто не видел подлинной сути божественности (Терпу, 34). Основа этого лежит в Исх. 33:20». Этот важный момент показывает, что для ап. Иоанна качественная характеристика божественной сути неразрывно связана с самим Богом.

Однако СИ считают иначе. В книге «Рассуждение» на стр. 414 (глава Троица) приводится возможный диалог: **«Вы верите в божественную сущность Христа? Можно ответить: «Конечно, но я, наверное, понимаю под этим не то же самое, что вы».** Затем можно добавить: 1) **«Позвольте объяснить почему. В Исаяи 9:6 Иисус назван „Сильным богом“, но только его Отец называется в Библии Всемогущим Богом».** 2) **«Также обратите внимание на то, что в Иоанна 17:3 Иисус говорит о своем Отце как о „единственном истинном Боге“. Поэтому Иисус является лишь отражением личности истинного Бога».**

Во-первых, бросается в глаза явный политеизм: есть «бог сильный», а есть Бог Всемогущий. «Иисус — самый могущественный из всех небесных сыновей Иеговы»²⁹. Кстати, важно отметить, что в той же книге пророка Исаяи Иегова также назван «Богом сильным» (10:21). Во-вторых, для объективности стоит упомянуть о том, что тот же ап. Иоанн прямо называет Иисуса Христа **«истинным Богом и вечной жизнью» (1 Ин. 5:20 ПНМ)**³⁰.

Организация понимает категорию божественной сущности совершенно оригинально. И это понимание внутренне противоречиво, ведь творение всегда онтологически иноприродно Богу. Идея градации Божества является небиблейской и представляет собой типичный языческий политеизм, предполагающий существование божественных существ, полубогов наряду с совершенными богами. Невозможно быть Богом на половину или на треть. Действительно, у СИ особое понимание божественной сущности Сына, которое не позволяет им оставаться на позициях библейского монотеизма³¹. Фактически СИ исповедуют *монолатрию* – религиозное поклонение единственному Богу, не исключающее признания существования других богов.

СИ, кажется, не понимают того, что если ап. Иоанн подразумевал под Логосом божественного посредника, через которого Всемогущий Бог творит мир, они тем самым делают автора четвёртого евангелия последователем иудейского эллинистического философа Филона Александрийского (ок. 25 до н. э., Александрия — ок. 50 н. э.), который разработал концепцию «второго бога», Божественного Логоса, занимающего промежуточное положение между самим Божеством и тварным миром. Таким образом, получается что ап. Иоанн просто

²⁹ Сторожевая башня за 2004 от 15 декабря 12, с. 19 абз. 8.

³⁰ В публикациях этот стих объясняется, таким образом, будто эта фраза относится к Богу Отцу. Однако в таком случае мысль апостола становится совершенно бессмысленной и тавтологичной. В самом деле, что же хотел сказать Иоанн? Что истинный Бог есть истинный Бог?! Мысль же в том, что Христос, будучи Богом по природе, явился в мир человеком и сделал возможным познание Бога (Ин. 1:18, 14:9). К тому же в этом же послании, как и во всей Библии, только Иисус Христос, а не Отец, называется «вечной жизнью» (1 Ин. 1:2).

³¹ «Еретики говорят: будучи меньшим Богом, Он не восхотел того, чтобы равняться Богу великому, высочайшему. — Так вы вводите в церковные догматы языческое учение? У язычников есть великий и малый Бог. У нас есть ли, не знаю. Но в Писании нигде не найдешь сего. Великого найдешь везде, а малого нигде. Ибо если Он малый, то что Он за Бог? Кто мал, тот не Бог. В Писании Бог истинный везде и называется Великий: Великий Господь и хвален zelo (ср.: Пс. 47, 2) и подобное. — Но говорят: это сказано об Отце, а Сын малый (Бог). Так говоришь ты, но Писание — напротив: оно говорит и о Сыне так же, как об Отце. Слушай, что говорит Павел: ждущее блаженнаго упования и явления славы Великаго Бога (ср.: Тит. 2, 13). Об Отце ли сказано сие? Никак. Сего не допускают прибавленные тотчас Апостолом слова: Великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Вот и Сын велик. — Почему же ты говоришь о малом и великом? Знай, что и Пророк называет Его Ангелом великаго совета. Ангел великаго совета ужели не велик? Бог крепкий (ср.: Иер. 32, 18) ужели не велик, а мал? Как же после сего говорят бесстыдные и дерзкие, что Он — малый Бог? Я часто повторяю слова их; дабы вы более удалялись их» (Толкования свт. Иоанна Златоуста на Фил. 2:6).

заимствовал идею александрийского мудреца, соединявшего платонизм и стоицизм с иудаизмом. 6,12,13,18.

Итак, подытожим библейский материал. В НЗ ясно и недвусмысленно говорится о Божественной природе Сына. Здесь напрашиваются два вывода: либо он «бог» в условном смысле, либо он Бог в смысле онтологическом. Причем божественность не должна сводиться к форме бытия – духу. Дух, как и плоть, является формой бытия, но не его природой. Например, человек и собака имеют одну и ту же плотскую форму бытия, но природа их совершенно разная. Поэтому было бы неправильно говорить, что раз ангелы являются духами, как и «Бог есть дух» (Ин. 4:24), следовательно, они также обладают божественной природой³².

Единственно возможный вывод – признать, что Сын является не каким-то другим, но тем же самым Богом, что и Отец. Однако забегаю вперед скажем, что это утверждение не означает, будто Отец и Сын одна и та же Личность, как думают некоторые. У них одна единая воля и общая идентичная сущность. Только при таком исповедании веры в единого Бога можно остаться в рамках библейского монотеизма.

То, что остается за кадром

Термин «конфессиональная слепота» прекрасно объясняет, почему при изучении Писаний многое остается без внимания. Духовное зрение, заточенное под определенный угол, не способно адекватно отреагировать на свидетельства, идущие в разрез с официальной вероучительной установкой. Это болезнью страдают далеко не только СИ.

Например, если Вы попытаетесь отыскать в публикациях обсуждение Ин. 5:23, это вряд ли удастся сделать. Евангельское речение Христа говорит о необходимости **«всем чтить Сына, как чтут Отца. Кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца, который его послал»**³³. Ни о каком представителе Бога такого не было сказано в Писании. Невозможно чтить творение также как Творца (пусть даже Мессию)! Если Сын не Бог, то здесь мы встречаем неприемлемое для христиан повеление. Греческое слово καθως («как») может означать «в точности как» и «подобно тому как». Однако даже если понимать здесь это наречение в смысле подобия, почитание Сына будет лежать в той же плоскости, что и почитание Отца (а оно сугубо религиозное), так как подобие и первообраз всегда имеют отношение к одной и той же категории.

Из Апокалипсиса мы узнаем, что небесные создания, в отличие от некоторых христиан, непрестанно чтят Христа наравне с Отцом: **«Они говорили громким голосом: «Ягнёнок, который был убит, достоин принять могущество, богатство, мудрость, силу, честь, славу и благословение»**. И я слышал, как все создания на небе, на земле, под землёй и на море — все они — говорили: **«Сидящему на престоле и Ягнёнку благословение, честь, слава и**

³² Организация придерживается как раз противоположной точки зрения. В подзаголовке *«Божественная природа»* на стр. 474 в энциклопедии «Понимание Писаний» (англ., том II) дается следующее определение божественной природы: «есть и другая природа, та, что присуща тем, кто на небе, духовным созданиям Иеговы». К ним судя по дальнейшим словам, относятся и помазанники, получающие на небе духовные тела.

³³ В книге "Вопросы и ответы" (англ., сборник вопросов, которые задавали Расселу на конвенциях в период 1906-1916 гг., и его ответы на них) ему был задан личный вопрос (в 1912 году): "Обращаешь ли ты свои молитвы только к Отцу во имя Сына?" И вот его ответ: "Обычно свои молитвы я обращаю к Небесному Отцу - и только во имя Господа Иисуса; но иногда обращаю их прямо к Иисусу, ибо не вижу, чтоб в Священном Писании было что-то против этого. В Писании сказано, чтоб «все чтили Сына, как чтут Отца»".

могущество во веки веков» (Отк. 5:12, 13, ПНМ). Особенно примечательными становятся эти слова при сравнении их с Отк. 4:11, где сказано: **«Достоин ты, Иегова, наш Бог, принять славу, честь и силу, потому что ты сотворил всё и всё по твоей воле существует и сотворено»³⁴.**

В контексте этих слов нельзя обойти стороной и Евр. 1:6, где сказано: **«Да поклонятся ему [Сыну] все ангелы Бога».** Здесь автор послания цитирует по Септуагинте Пс. 97:7. Примечательно то, что в оригинальном контексте ангелы призывают поклониться самому Иегове. В связи с этим совершенно не убедительно звучит попытка Общества нивелировать смысл религиозного поклонения ангелами до поклонения уважительного за счет одного из значений слова προσκυνεω («падать на колени перед кем-л., поклоняться»).

Другой показательный пример, который ускользает от внимания СИ - это **Деян. 16:31,34.** На вопрос тюремщика «что мне делать, чтобы спастись?», ап. Павел и Сила ответили ему: **«Верь в Господа Иисуса, и спасёшься ты и твои домашние».** Далее следуют слова евангелиста Луки: «Приведя их к себе в дом, он накрыл для них стол и очень радовался со всеми своими домашними **тому, что поверил в Бога».** Из этого совершенно очевидно, что, по крайней мере, для автора книги Деяний Господь Иисус и есть Бог³⁵.

Иисус Христос в НЗ дважды называется «Господом славы»: **«ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы» (1Кор.2:8, Иак. 2:1)³⁶.** Выражение *«Господь славы»* в греческом тексте подлинника артикулировано и потому указывает на титул, который действительно был известным в то время гебраизмом, указывающим на Бога: «Кто сей Царь славы? - Господь крепкий и сильный, Господь, сильный в брани» (Пс.23:8). В апокрифической книге 1 Еноха (из которой взята цитата в Иуды 14,15) многократно используется данный титул применительно к Всевышнему: «будут прославлять Господа славы, вечного Царя» (1 Ен. 5:41), «воссядет Святой и Великий, Господь славы, вечный Царь» (1 Ен. 5:28). Очевидно, что для первых христиан из иудеев распятый Иисус Христос был никем иным как самим «Господом славы», то есть Богом (ср. Деян. 7:2).

Для русскоязычных СИ будет сюрпризом узнать, что ветхозаветные пророки были движимы Духом Христа: «Они исследовали, на которое и на какое время указывал **бывший в них Дух Христа,** заранее свидетельствовавший о предстоящих Христу страданиях и о последующей за ними славе» (1Пет.1:11, ПЕК). Этот же апостол во втором послании писал, что пророки «говорили **от Бога,** движимые святым духом» (2 Петра 1:21, ПНМ). Дело в том, что в ПНМ на русском этот стих звучит иначе: «Они непрестанно исследовали, на какое именно или на какого рода время **указывал в связи с Христом бывший в них дух».** В ПНМ на английском с примечаниями лишь в сноске указан альтернативный вариант: “the spirit of Christ which was in

³⁴ «Такое поклонение Иегове уместно, потому что Он является Высшим Сувереном всей вселенной, Создателем внушающего благоговение неба и земли со всеми ее жизненными формами. Он один заслуживает «большого, даже чрезвычайного уважения, почтения или преданности» со стороны людей. В Библии говорится: «Достоин Ты, Господи [Иегова, НМ], принять славу и честь и силу, ибо Ты сотворил все, и все по Твоей воле существует и сотворено» (Откровение 4:11). Определенно ни один человек, ни что-либо одушевленное или неодушевленное не может быть достойным такого «уважения, почтения или преданности». Только Иегова заслуживает «исключительной преданности» (Исход 20:3—6, НМ)», w89 1.10. с. 10—11 абз. 2.

³⁵ Похожий пример, опять же у евангелиста Луки, мы встречаем в его Евангелии: «Человек, из которого вышли демоны, просил его позволить ему остаться с ним, но он отправил его, сказав: «Вернись домой и рассказывай другим о том, что сделал для тебя *Бог*». Тогда тот человек пошёл и стал провозглашать по всему городу, что сделал для него *Иисус*» (Лк. 8:38,39).

³⁶ К сожалению, в ПНМ в обоих стихах греческое выражение подлинника «Господь славы» отсутствует.

them indicated”, который на самом деле полностью соответствует оригиналу греческого текста НЗ.

Не меньший интерес представляет Ин. 19:7, который также не рассматривается в публикациях: «Иудеи ответили ему: **«У нас есть закон, и по закону он должен умереть, потому что он называл себя Сыном Бога»**. Эти слова примечательны тем, что они показывают истинную причину, по которой иудеи считали Иисуса достойным смерти. Заметим, что они ссылались на Закон Моисея, но Закон не предусматривал наказание за то, что человек называл себя «сыном Бога». В «Библейском культурно–историческом комментарии» К. Кинера говорится следующее: *«В Ветхом Завете Мессия (и весь род Давидов) именуется Сыном Божиим (2 Цар. 7:14; Пс. 2:7; 88:28); в широком смысле, сыном Божиим был и весь Израиль (Исх. 4:22; Втор. 8:3; Ос. 11:1). Но даже необоснованные мессианские притязания не рассматривались в иудаизме как преступление, заслуживающее смертной казни, если только лжепророк не призывал к поклонению другим богам»*. Мишна цитирует о побивании камнями, как наказание за богохульство (трактат «Синедрион», ср. Лев. 24:16). В Евангелии мы читаем о двух случаях, когда иудеи хотели побить камнями Иисуса и оба раза за «богохульство», связанное с высказываниями об уникальных отношениях с Отцом, которые иудеи адекватно расценили как посягательство на равенство с Богом (см. Ин. 5:17,18; 10:30-33). Следовательно, говоря Пилату о притязании Христа на особое сыновство Бога, иудеи понимали под ним равенство с Богом³⁷. Примечательно, но Христос ни разу не исправил иудеев, как если бы они его превратно поняли. Экспрессивная реакция первосвященника Каиафы на «богохульный» ответ Христа по поводу сыновства с Благословенным (см. Лк. 22:69-71) подтверждает, что, в конце концов, Иисус был осужден не за мятеж и не за организацию общественных беспорядков, а за Его притязания на Божественное достоинство.

Наиболее цитируемым отрывком, подтверждающим равенство Сына и Отца, можно назвать Ин. 10:30, где Иисус говорит: **«Я и Отец – одно»**. В публикациях Общества слова эти традиционно понимаются как указание на полное единство Христа с Богом Отцом. Однако совершенно упускается из виду ближайший контекст утверждения Иисуса: «Мои овцы слушаются моего голоса. Я знаю их, и они следуют за мной. Я даю им вечную жизнь, и они никогда не погибнут, **и никто не похитит их из моей руки**. Те, кого дал мне мой Отец, превыше всего остального, **и никто не может похитить их из рук Отца. Я и Отец – одно»** (Ин. 10:27-30, ПНМ). По какой причине невозможно похитить из рук Христа его овец? По той причине, что никто не может похитить их из рук Отца. Но где же здесь связь? Ответ кроется в том, что Христос по сущности своей равен Отцу, он является Тем же, Кто и Отец – Богом. Заметим, что Иисус мог прямо сказать, что никто не похитит овец из его руки, потому что их будет оберегать Отец. Нет, он решительно как бы говорит другое: Я и Отец одно, а потому как нельзя украсть овец из рук Отца, так и нельзя украсть их и из моих рук.

«Бог есть любовь» (1 Ин. 4:8) – об этом немало написано в публикациях. Однако СИ не задумываются над тем, что в этом откровении о Боге есть нечто большее, чем просто описание главного качества Бога, его сути. Любовь – это качество, предполагающее как минимум две

³⁷В Ин. 5:18 есть одна очень важная деталь: «но и называл Бога своим Отцом, делая себя равным Богу». Буквально с греческого «Его собственным Отцом». Говорить о Боге как Отце не было совершенно чуждым, согласно иудейского обыкновения. Изредка в неканонической иудейской литературе Бог называется Отцом иудеев (см. Юбилеев 1:24, 25, 28, Товита 13:4). Несколько раз в молитвах он назван Мой Отец (напр. Премудрости 14:3). Оно не представляло собой такого выражения, за которое иудеи обвиняли Иисуса в богохульстве. Несомненно, осознавая, что они не имеют ничего, чтобы ответить на Его защиту относительно исцеления в субботу (5:17), они бросили вызов Его претензии о равенстве с Богом, что они заключили из Его высказывания: «Отец Мой доньше делает, и Я делаю». Иоанн отметил ясное различие в умах иудеев между сказанным о Боге как Отце, и подразумеваемом утверждении Иисуса, что Бог был Его собственным Отцом в особом смысле.

стороны. Любовь может быть любовью лишь по отношению к кому-то. Невозможно быть любовью, будучи одному. Бог любит свое творение. Но ясно, что и до сотворения ангелов и Вселенной он был любовью. «Отец любит меня» (Ин. 10:17), - говорит Христос. Сын был с Богом Отцом, который любил его. Если же Сын был сотворен и было время, когда его не было, Бог, значит, был абсолютно один. Но как в таком случае он был любовью? Кто-то, возможно, скажет, что это выше нашего ума. Однако если Бог открыл людям откровение о себе, выразив его понятием любви, значит, мы способны вместить эту истину о Боге и подобные рассуждения не являются пустым философствованием.

С вопросом любви Бога связан еще один известный пассаж. Иисус Христос, говоря ученикам о любви, сказал: «Никто не любит больше, чем тот, кто отдаёт свою душу за своих друзей» (**Иоанна 15:13**). Итак, высшее проявление любви – жертвенность до смерти. Христос возлюбил учеников до смерти. Если «Бог есть любовь», то есть любовь является сутью Бога, то значит, Бог любит до смерти. Ясно, что человек Иисус Христос не мог быть любовью больше, чем есть Бог. Следовательно, в Иисусе Христе был Бог³⁸, вкусивший смерть по человеческому естеству.

СИ соглашаются с тем, что Бог неизменяем (см. **Иак 1:17**). Действительно, совершенный Абсолют не может быть подвержен качественным изменениям в принципе: «**Ведь я — Иегова, я не изменяюсь**» (Мал. 3:6). Неизменяемость Бога относится не только к его обещаниям и принципам, но и, конечно же, к его Личности. Совершенный Бог не может стать качественно лучше или приобрести опыт, которого у него ранее не было. Это означает, что Бог всегда был Отцом, а раз так, Сын всегда был с ним, и не было времени, когда его не было. Если Сын появился, значит, Бог стал Отцом, а следовательно, в нем произошло качественное изменение. Но это невозможно в силу принципа неизменяемости Бога³⁹.

Богочеловек или человек?

Если Сын до рождения на земле как человек был Богом, то ясно, что он не мог перестать быть им и по воплощении. В Новом Завете мы находим ряд однозначных утверждений о том, что Иисус Христос был самым настоящим человеком. Однако есть ряд интересных пассажей, показывающих, что он был не только человеком, на которые СИ не обращают должного внимания. Рассмотрим их.

«Именно в нём воплотилась и обитает вся полнота Божьей сущности» (Кол. 2:9, ПНМ). Здесь особо обращает на себя внимание, то, что, по словам ап. Павла, полнота всего, что присуще Богу, не только воплотилась в человеке Иисусе Христе, но и обитает в нем, то есть, став плотью Слово не перестало быть в сущности тем, кем было на небесах.

В Писании часто встречается *антиномия* - противоречие между двумя положениями, признаваемыми одинаково верными. Тоже верно и в отношении Иисуса Христа. С одной стороны, он подчеркнуто называется человеком (1 Тим. 2:5), но с другой стороны нет: «Павел, апостол **не от людей и не через человека, а через Иисуса Христа** и Бога, Отца, воскресившего его из мёртвых» (**Гал. 1:1, ПНМ**). Очевидно, что источником и проводником своего

³⁸ Стоит отметить, что согласно дословному переводу с греческого, 2 Кор.5:19 звучит как: «Бог был во Христе, примиряя с Собою мир, не вменяя им грехов их и дав нам слово примирения» (цит. по ПЕК).

³⁹ Возможно, кто-то возразит, что сотворив мир, Бог стал его Творцом, а значит, качественно изменился. В Писании говорится о Боге как о том, кто «делает то, что известно издавна (букв. «от века»)» (Деян. 15:17,18). Замысел сотворения был в Боге от вечности. Он, конечно же, всегда был Творцом, но *именоваться* им стал по сотворении.

апостольства Павел считал не человека, но Иисуса Христа и Отца. Примечательно здесь то, что апостол явно отделяет Христа от людей и соотносит его с Отцом.

Другим примером антиномии является **Евр. 9:16,17** где говорится о Новом Завете: «Вот почему **он является посредником нового соглашения**. Он стал им, чтобы призванные получили обещание вечного наследства. ... **Поскольку где соглашение, там необходимо, чтобы наступила смерть человека, заключившего соглашение**. Соглашение действительно после смерти, поскольку не имеет силы, **пока жив заключивший соглашение**». Эти слова ап. Павла ясно показывают, что он считал Христа, как посредником Нового Завета, так и самим завещателем⁴⁰. Правда в публикациях делается неумелая попытка объяснения этого «противоречия»: «*Иегова является Учредителем нового соглашения, а «человек, заключивший соглашение» — это Иисус. Он — Посредник этого соглашения, и своей смертью он предоставил жертву, необходимую для его утверждения (Луки 22:20; Евр. 9:15)*»⁴¹. Но посредник соглашения между двумя сторонами никак не может быть одной из сторон соглашения (да еще инициативной) по определению! Соглашение заключает именно Иисус Христос (Лук. 22:29). Противоречие же разрешается просто: как человек, Иисус, отдавая свою жизнь, выступает в роли посредника, как Бог, он заключает новое соглашение со своим народом.

Ряд ветхозаветных пророчеств также со всей ясностью указывали на то, что Христос был не просто человеком: «А тебя, сын, назовут пророком Всевышнего, потому что **ты пойдёшь перед Иеговой, чтобы приготовить его пути**» (Луки 1:76 ПНМ, ср. Мат 11:10). Эти слова стали подтверждением пророчества Иеговы: «**Я посылаю моего вестника, и он расчистит путь передо мной**» (Мал. 3:1, Ис. 40:3). Так, кого же в действительности предварял своим служением Иоанн Креститель? Человека или Бога?

Кого на самом деле, оценивая Христа в 30 серебряников, оценили иудеи согласно Зах. 11:12,13, где сказано: «**И они заплатили мне мою плату — тридцать сиклей серебра. Тогда Иегова сказал мне: «Брось их в сокровищницу — высока же цена, в которую они меня оценили. И я взял тридцать сиклей серебра и бросил их в сокровищницу в доме Иеговы»**» (ср. Мат 27:9)? Человека или же Бога?

СИ не обращают внимание на крайне важные слова Христа о своем воскрешении: «**Разрушьте этот храм, и я за три дня построю его**... Но, говоря о храме, он имел в виду своё тело» (Ин. 2:19). Особенно интересно здесь то, что Иисус прямо говорит о власти воскресить самого себя. Позже он высказался еще более определенно: «Никто не отбирает её [душу] у меня — я сам отдаю её. **В моей власти отдать её и в моей власти получить её снова**» (Ин. 10:18). И хотя в одних текстах НЗ говорится, что Христос *был воскрешен* Богом Отцом (Деян. 2. 24, 32; 3. 15, 26; 13. 30, 34; 1 Петра 1. 24; Рим. 4. 24; Еф. 2. 6; 1 Кор. 6. 14), в других говорится о том, что он *сам воскрес* (Мф. 28. 6; Мк. 16. 6; Рим. 6. 9; 1 Кор. 15. 4, 12; 1 Фес. 4. 14). Дело в том, что между Богом и Христом нет никакого соперничества: сила Бога и сила Иисуса Христа, жизнь Бога и жизнь Иисуса Христа суть одна и та же сила и жизнь. Поэтому можно сказать, что Бог воскресил Христа, но можно сказать, что Христос был воскрешён своей собственной силой: «**Ведь как Отец имеет в себе жизнь, так и Сыну он дал иметь в себе жизнь**» (Ин. 5:26). Но разве может творение само быть источником жизни?

⁴⁰ Во время православной Литургии с древнейших времен возносится молитва Христу со словами «Ты бо еси Приносяй, и Приносимый, и Приемляй, и Раздаваемый» (Молитва во время пения Херувимской песни).

⁴¹ Сторожевая Башня за 2008 от 15.10. стр. 32.

В публикациях Общества довольно часто приводится один аргумент, якобы разрушающий учение о Богочеловечестве Иисус Христа – это учение об искуплении. Поскольку выкуп должен быть равнозначным, вместо Адама должна умереть его точная копия, такой же совершенный человек. Если Христос был не просто совершенным человеком, а Богочеловеком, то выкуп был бы гораздо выше, чем требовала совершенная справедливость Бога. Из этого следует, что Христос был лишь совершенным человеком. Во-первых, данный аргумент в действительности ничего не опровергает, так как по общехристианскому учению Бог вкусил смерть через воспринятое человеческое естество⁴². Во-вторых, превосходящий по силе выкуп все равно является «соответствующим» (1 Тим. 2:6, ПНМ), так как он соответствует необходимой цели, с лихвой покрывая все грехи.

Необъяснимый христоцентризм

Всякий человек, читающий Новый Завет, не может не заметить его удивительную особенность – невероятную христоцентричность. Страницы НЗ буквально пропитаны Иисус Христом как центром и сердцем духовной жизни первых христиан. Фокус веры апостолов целиком и полностью сосредоточен на Христе: «Для меня жизнь — Христос» (Фил. 1:21), «И уже не я живу, но живёт во мне Христос» (Гал. 2:20), «Я решил не знать среди вас ничего, кроме Иисуса Христа» (1 Кор. 2:2) и так далее. Известный библеист Брюс Мецгер подсчитал, что выражение "во Христе" и похожие на него фразы "в Господе" и "в Нем" встречаются в НЗ 164 раза!⁴³

Христоцентризм апостолов вырос не из их личного понимания учения Христа, а из слов самого Спасителя (Ин. 10:9, 14:6). Уникальность христианства заключается в том, что главным его содержанием является сама личность основателя. Не его учения и дела, но Он сам. Ничего подобного мы не находим в религиях мира: ни Моисей, ни Будда, ни Магомет не были объектом веры их последователей. Все они оставили после себя лишь зафиксированное учение, Христос же оставляет нам самого себя: «Я с вами во все дни до скончания века!» (Мат. 20:28).

И потом христианское крещение ап. Павел рассматривает как **«крещение в Христа Иисуса»** (Рим. 6:3, Гал. 3:27). По сути, дословно речь идет о всецелом погружении в личность. Эта фраза звучит сама по себе нелепо, если полагать, что Иисус был лишь самым великим человеком, пусть даже Мессией. Так же совершенно немыслимо звучать слова ап. Петра: **«И ни в ком другом нет спасения, потому что под небом нет другого имени, данного людям, которым мы должны спастись»** (Деян. 4:12). Как же быть в таком случае с именем Иеговы? Неужели имя человека может быть столь спасительным?

Нельзя не заметить, что множество ветхозаветных цитат, относящихся к Иегове, в НЗ удивительным образом переосмысливаются применительно ко Христу. Они не просто применяются к Христу, они делают его идентичным Иегове (ср. **Исаия 35:4-6 и Матфея 11:5, Лук. 1:76 и Ис. 40:3, Захария 12:10 и Иоанна 19:37, Иоиль 2:32 и Рим. 10:13, Исаии 45:23 и Филиппийцам 2:10-11, Исаии 8:13-14 и 1 Петра 2:8, Иеремии 17:10 и Откровении 2:23, Пс. 97:7 и Евр. 1:6, Ис. 6:1-13 и Ин. 12:39-41, Евр. 1:10 и Пс. 102:25**). И это притом, что у пророка

⁴² Христологический догмат утверждает, что при соединении во Христе Божественной природы и человеческого естества не произошло их смешения. Этим соединением нисколько не нарушается различие двух естеств, но тем более сохраняется свойство каждого естества и они соединяется в одно лицо Иисуса Христа.

⁴³ The Jehovah's Witnesses and Jesus Christ: A Biblical and Theological Appraisal. Theology Today 10/1 (April 1953), pp. 65-85.

Исайи сказано: «Я не отдам своей славы никому другому» (Исаия 42:8). Подобное отождествление Иисуса Христа с Богом Израиля невозможно, если не допустить, что Сын есть тот же Сущий Бог.

При чтении НЗ создается ощущение некоего замещение Иеговы. Он как будто уходит на второй план, уступая центральное место в сердцах и умах верующих своему Сыну. Это обстоятельство с трудом поддается осмыслению, если считать Единородного Сына творением Бога Отца, тем более, что в ВЗ мы читаем: «Я, я Иегова, и нет спасителя кроме меня» (Исаия 43:11). Однако в НЗ Спасителем преимущественно уже называется Иисус Христос (Фил. 3:20, 2 Тим. 1:10, Тит. 1:4, 2:13 3:6).

Подобный христоцентризм объясняет, почему первые ученики назывались «призывающими имя Иисуса» (Деян. 9:14). Ап. Павел начинает послание к коринфянам со слов: «собранию Бога в Коринфе, вам, освящённым во Христе Иисусе, призванным быть святыми, со **всеми, кто повсюду призывает имя нашего Господа, Иисуса Христа, Господа их и нашего**» (1 Кор. 1:2). Выражение «призывать имя» является типичным библейским термином, описывающим молитвенное поклонение (Быт. 13:4, Соф. 3:9, Зах. 13:9, Рим. 10:13).

Древнехристианское восклицание на арамейском «*маранафа*», переводимое как «Приди же, о Господи!» (1 Кор. 16:22, ПNM), является, по сути, молитвенным обращением ко Христу. Ап. Иоанн заканчивает книгу Откровения такими же словами: «Аминь! Приди, Господь Иисус» (Отк. 22:20, ПNM).

Ап. Павел писал о своем личном опыте богообщения: «**Трижды умолял я Господа** о том, чтобы оно оставило меня, но он сказал мне: «Довольно тебе моей незаслуженной доброты, потому что **моя сила** обретает совершенство в слабости». А потому я с огромной радостью лучше буду хвалиться своими слабостями, чтобы **сила Христа, как шатёр, пребывала надо мной**» (2 Кор. 12:8,9, ПNM). Очевидно ведь, что ответил ему сам Христос, раз апостол говорит далее о «силе Христа».

Для мученика Стефана было совершенно естественным обратиться к Иисусу перед своей смертью: «Они продолжали бросать в Стефана камни, **а он взывал и говорил: «Господь Иисус, прими мой дух**» (Деяния 7:59, ПNM). Объяснения типа того, что в греческом тексте стоит слово «взывал» (гр. *эпикалео*), а не «молился», кроме удивления ничего не вызывает, ведь по-настоящему важно не конкретное слово, а смысл. Это же слово используется и в Рим. 10:13,14: «Каждый, кто *призывает* имя Иеговы, спасётся». Но как *призывать* того, в кого не поверили?». Здесь оно согласно ПNM относиться к Иегове. В публикациях проводится искусственное различие между взыванием и молитвой.

Молитвы СИ никогда не содержат подобных просьб, обращенных к Иисусу. Вообще, нужно сказать, что отсутствие молитвенного общения с Христом делает невозможным то подлинно личное единение с ним, которое было у первых христиан. Иисус Христос не может быть нашим личным Наставником по жизни, если мы не общаемся с ним: «Верен Бог, которым **вы призваны быть в общности с его Сыном Иисусом Христом, нашим Господом**» (1 Кор. 1:9, ПNM), «**Наша же общность с Отцом и с Сыном его Иисусом Христом**» (1 Ин. 1:3, ПNM 2001 г.). Без настоящего общения общность может быть лишь формальной. Молитвы СИ также

исключают всяческую возможность славословия в адрес Христа, которое открыто воздавал ему ап. Павел: **«Ему честь и могущество вечное. Аминь»** (1 Тим. 6:16)⁴⁴.

Сам Христос учил своих последователей: **«И чего бы вы ни попросили во имя моё, я сделаю это, чтобы Отец был прославлен через Сына. Если попросите что-нибудь⁴⁵ во имя моё, я сделаю это»** (Иоан. 14:13,14 ПНМ). Иисус прямо говорит, что Он сам ответит на прошение его учеников. Так почему же СИ даже помыслить не могут о том, чтобы обращаться к Христу?

В публикациях Общества прославленному Иисусу Христу отводится лишь роль посредника в служении искупления. Его функция ходатайственная чисто механическая: *«Об Иисусе Христе в Слове Бога сказано: «Он способен предоставить полное спасение тем, кто приближается к Богу через него, потому что он всегда жив, чтобы ходатайствовать за них» (Евреям 7:25). То есть, Иисус Христос может исполнять роль сочувствующего Посредника, который помогает тем, кто «приближается... через него» к Богу. Однако это вовсе не означает, что мы должны молиться Иисусу и что он передает наши молитвы Богу. Это указывает на то, что мы молимся Богу во имя Иисуса, признавая тем самым его власть»⁴⁶.*

Исторические документы подтверждают, что ранние христиане молились Иисусу Христу. В посланиях, написанных в 107 году н.э. мучеником, епископом Игнатием (учеником апостолов) из Антиохийской общины, мы встречаем следующие призывы: **«Посему следует всячески славить Иисуса Христа, который прославил вас, для того, чтоб вы в единодушном повиновении были утверждены в одном духе и в одних мыслях, и все вы говорили одно»** (Игнатий Антиохийский. Послание к Эфесянам 2:1), **«молитесь о мне Христу, чтоб я посредством этих орудий сделался жертвою Богу»** (Игнатий Антиохийский. Послание к Римлянам 4)⁴⁷. В письме смирнской общины, датированном 156 годом, мы читаем о позиции учеников мученика и епископа Поликарпа: **«Мы никогда не сможем ни оставить Христа, Который пострадал для спасения всех, спасаемых в мире, непорочный за грешников, ни почитать кого-либо другого. Ибо мы поклоняемся Ему, как Сыну Божию»** (Мученичество Поликарпа Смирнского, 17, 156 год н.э.).

Римские источники также подтверждают эту практику: *«Они утверждали, что вся их вина и заблуждение состояли в том, что они, обычно по определенным дням, собирались до рассвета, воспевали, чередуясь, Христа как Бога, и клятвенно обязывались не преступление*

⁴⁴ СИ соглашаются с тем, что в данном стихе говорится не об Иегова, а об Иисусе Христе (см. w05 1.9. 27).

⁴⁵ Согласно наиболее древним и авторитетным рукописям эта фраза подлинника звучит как «если попросите чего-нибудь **меня** во имя мое», см. «A Textual Commentary On The Greek New Testament by Bruce M. Metzger» (Second Edition, 2001).

⁴⁶ «Пробудитесь!» за ноябрь 2010 года с. 21.

⁴⁷ Молитвы Христу были естественным следствием веры Игнатия в его Божество: *«Для них есть только один врач, телесный и духовный, рожденный и нерожденный, Бог во плоти, в смерти истинная жизнь, от Марии и от Бога, сперва подверженный, а потом не подверженный страданию, Господь наш Иисус Христос»* (Эфесянам 7), **«Един есть Бог, явивший себя чрез Иисуса Христа, Сына Своего, Который есть слово Его вечное, происшедшее не из молчания, и Который во всем благоугодил Пославшему Его»** (Магнезийцам 8). Примечательно, что пожилой Игнатий Антиохийский перед своей мученической кончиной в Риме (107 год н.э.) написал шесть пастырских писем в разные общины, основанные апостолами. Почти в каждом послании он открыто исповедует веру в Божество Христа. Кажется невероятным, чтобы в столь короткий срок ранние христиане могли повсеместно так кардинально изменить свое исповедание, если предположить, что вера в Богочеловечество Христа не была изначальной верой первых христиан.

совершать, а воздерживаться от воровства, грабежа, прелюбодеяния, нарушения слова, отказа выдать доверенное" (письмо Плиния младшего императору Траяну, ок. 110 год н.э.).

Знаменитое настенное карикатурное граффити с изображением распятия, выцарапанное на одной из стен Палатинского дворца в Риме, содержит надпись: **"Алексамен поклоняется своему Богу"** (середина II века).

В Интернете встречается аргумент, который часто выдвигают некоторые унитарии, о позиции великого библеиста и богослова III века Оригена Александрийского, который считал, что молиться нужно только Богу Отцу, хотя Сына он также считал Богом (трактат «О молитве», 15). Хотя это вопрос заслуживает отдельной темы, стоит все же упомянуть, что личная позиция Оригена была не столь однозначной, как может показаться. Ориген описывал четыре типа молитвы: моление, благодарение, ходатайство и прошение. Именно моление (προσευχή) Ориген считал возможным адресовать только Богу-Отцу. Остальные три типа молитвы могли быть возносимы Христу⁴⁸. Ориген же сам довольно часто в своих трудах возносил молитвы Христу.

Помимо «доказательств от теории» существуют и «доказательства от практики»: *«Слова опровергаются словами, но чем опровергнешь жизнь?»*, - говорил христианский св. Григорий Богослов (ум. 389 н.э.). Личный опыт молитвенного общения с Христом тысяч подвижников древности и современных христиан говорит в пользу реальности и благодатности такого богообщения. Осмелятся ли СИ ставить под сомнение то, что доказывает сама жизнь на протяжении 2000 лет?

СИ обвиняют христиан в ложном поклонении творению (Христу) как Богу вместо Творца, ссылаясь на Рим. 1:25. Однако СИ видимо не замечают, что их укор может быть

⁴⁸ Позиция Оригена в отношении молитв ко Христу была обусловлена его сбивчивой триадологией, которая отличалась непоследовательностью (как и многих доникейских авторов). По Оригену, Отец – это Бог, Сам по Себе. Он имеет божественную сущность, существование которой ни от кого не зависит. Сын Божий, согласно Оригену, есть Бог, но, тем не менее, не такой Бог, как Бог-Отец. Сын – это Бог, но не Сам по Себе. Он имеет божественную сущность, но ее существование зависит от Отца. Таким образом, взгляд великого александрийца органически страдал *субординатизмом* – учением о подчиненности Сына Отцу в виду его более низкой божественной сущности. Нетрудно заметить, что Ориген по сути попал в ту же ловушку, что и СИ: он ввел градацию в Божество и таким образом пришел к двум Богам разного уровня - Отцу и Сыну.

обращен и против них самих: а не боятся ли они впасть в великий грех, называя истинного Бога творением?

Итак, свидетельств из Писаний достаточно, чтобы увидеть истину о Божестве Христа. Кого-то могут не убедить эти аргументы и, скорее всего, так и произойдет. Однако вопрос Богочеловечества Иисуса Христа не является лишь вопросом академической богословской полемики. Это вопрос, от которого, не побоюсь этих слов, зависит сама суть христианства. Следующая часть эссе покажет, почему автор занимает такую решительную позицию.

Экскурс в историю

СИ, интересующиеся историей своей Организации, знают, что на взгляды молодого основателя движения «Исследователей Библии» Чарлза Рассела оказали влияние его друзья-адвентисты. Однако в действительности их влияние было более существенным, чем обычно это представляется. Так, например, именно от адвентистов молодой Рассел позаимствовал идеи смертности души и антитринитаризм.

В XIX веке в США широкое распространение получило неоднородное адвентистское движение Второго Пришествия (не путать с современными Адвентистами седьмого дня). Наиболее крупной группой была «Адвентистская христианская Церковь», живущая апокалиптическими настроениями и хронологическими вычислениями эсхатона. Большая часть адвентистов придерживалась унитарных представлений о Боге, которые естественно исключали Божество Единородного Сына. Вообще, нужно сказать, что движению адвентистов был присущ *рационализм*. Именно поэтому учение о бессмертии души и Троице, как непонятные человеческому разуму, отвергались. Более рациональное объяснение всегда легче воспринять, чем то, что выходит за рамки человеческого понимания.

Если бы молодой основатель движения «Исследователей Библии» (ставших впоследствии «Свидетелями Иеговы») Чарлз Рассел интересовался историей христианства, он, несомненно, извлек бы из нее главный урок: «Что было, то и будет, что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем» (Эккл. 1:9). И действительно, все явления, имевшие место на заре появления СИ, уже были в истории Церкви, в том числе унитаризм, выразителем которого в IV веке н.э. был знаменитый александрийский пресвитер Арий, ставший основоположником арианства. Если бы Рассел уделил достаточно внимания событиям тринитарных споров с арианами, скорее всего он смог бы понять, что вся его адвентистская антитринитарная аргументация была блестяще опровергнута православными богословами еще в IV веке в эпоху Первого и Второго Вселенских соборов.

Арианство, как две капли воды, похоже на представления СИ о Боге Отце и его Сыне. Именно поэтому крайне важно проследить причины появления арианства и его фундаментального заблуждения. Знаменитый историк Церкви А. В. Карташев, написавший широко известную книгу «Вселенские Соборы», прекрасно описал его природу и ход событий:

«Но был в этой [политической] широте арианских волнений и вполне естественный свободный духовно-культурный момент. А именно, невольное и случайное соответствие арианской доктрины, низводившей иррациональную христианскую триадологию к упрощенному математическому монотеизму, механически соединенному с политеизмом, поскольку Сын Божий считался **«богом**

с маленькой буквы». Такое построение было очень симпатично и приемлемо массе интеллигентного и служилого язычества, влекомого политикой и государственной службой в лоно церкви, принятой императором. Монотеизм в этой массе, разделявшей идею и почитание Единого Бога под именем «*Summus Deus*» [*Высший Бог*], был очень популярен, но он был полурационалистичен и чужд христианской Троичности Лиц в Божестве. Так, подольщаясь ко вкусам языческого общества через арианские формулы, церковь могла бы предать всю свою христологию и сотериологию. Потому праведный инстинкт православных епископов и богословов так героически и упорно восстал на борьбу с арианскими тенденциями и не мог успокоиться, пока борьба не увенчалась победою. Встал вопрос жизни и смерти: быть или не быть самому христианству? Вот почему герои православия проявили дух ревности, напоминавшей только что миновавший период героизма мученичества.

Вопрос заострялся до формулы «быть или не быть?» не в смысле исторического бытия и роста христианства, а в смысле **качественном**: в смысле возможной неприметной для масс **подмены самой сути христианства как религии искупления**. Может быть, было бы и проще и успешнее преподнести массе христианство как религию моралистическую. На это упрощение и рационализирование христианства как раз и соскользнуло арианство. С арианской догматикой христианство, может быть, и не теряло бы своего пафоса, как религия евангельского братолюбия, аскезы и молитвенного подвига. По благочестию оно конкурировало бы и с иудаизмом и с исламом. Но все это был бы **субъективный морализм**, как и в других монотеистических религиях. Для такой рациональной, натуральной религиозности достаточно было бы и Синайского Божественного откровения. И уж совсем лишне и даже бессмысленно чудо Боговоплощения.

Вот **это-то объективное чудо, эта-то объективная тайна** христианства упраздняется арианством. Для простого педагогического водительства и учительства Небесному Отцу достаточно было облагодатствованных пророков, священников, судей, царей. Зачем вочеловечение «сынов Божиих», ангелов, посредников, эонов?.. Что это прибавляет к делу богооткровенного изучения и спасения человечества? Не есть ли это просто бред языческой мифологии и гносиса? Не трезвее ли просто признать в Иисусе Христе высшего из пророков? Диалектически арианство вело к антитроичности Бога, к обесмыслению вочеловечения хотя бы и Высшего, Единородного, Единственного из сынов Божиих. Это был бы стерильный монотеизм, подобный исламу и иудаизму. Не понимало арианство, что суть христианства не в субъективной морали и аскезе, а в **объективной тайне искупления**. А что есть искупление? Отвечает песнь церковного канона: «Ни ходатай, ни ангел, **но Сам Господи воплоться и спасл еси всего мя человека**». Чем же спас? Тем, что **Сам Абсолютный** через акт вочеловечения взял на Себя бремя ограниченности, греха, проклятия и смерти, лежавших на человеке и всей твари. И только став не каким-то ангелочеловеком, а реальным Богочеловеком, Он возымел истинно божескую силу и власть освободить творение от вышеуказанного бремени, **искупить**, вырвать его из-под власти «миродержителей тьмы века сего» (Еф. 6:12). Крестным страданием, смертью и воскресением Своим вывел Он мир из царства тления и открыл дорогу к нетлению и жизни вечной. И всякий, свободно желающий усыновиться Ему в Его Телe — Церкви — через таинства, мистически приобщается к победе Богочеловека над смертью и становится «сыном воскресения» (Лк. 20:36).

В этом чуде из чудес и тайне из тайн **суть** христианства, а не в рациональной морали, как в других естественных религиях. Именно эту **суть** христианства спасали достославные отцы IV в., до конца отвергшие арианство во всех его ухищренных и прикровенных формах. Но этого в то время не понимало

большинство восточного епископата. В том-то и чудо I Вселенского собора, что он произнес сакраментальную догматическую формулу «Ὁμοούσιον τῷ Πατρὶ» («Единосущного Отцу») устами только избранного меньшинства. И в том еще, что Константин Великий, не постигший всей трагичности вопроса, воистину движимый перстом Божиим, положил всю в данном случае спасительную тяжесть неодолимого имперского авторитета на чашу весов подлинно православной церковной мысли незначительного меньшинства епископата.

Конечно, и прежде ереси искажали суть христианства. Но арианство было особенно тонкой и потому опасной ересью. Оно родилось из смешения двух тонких религиозно-философских ядов, совершенно противоположных природе христианства: яда иудаистического (семитического) и эллинистического (арийского). Христианство по своим культурно-историческим прецедентам вообще есть синтез двух названных течений. Но синтез радикальный, преображающий, а не механическая амальгама [*сплав, смесь – прим. авт.*]. И даже более чем синтез — совершенно новое откровение, но только облеченное в традиционные одежды двух великих и столь разрозненно живших преданий. Яд иудаизма заключался в антитроичности, в монархианском истолковании крещальной формулы церкви. ...

Все решительно триадологические научно-философские попытки доникейского времени органически страдали коренной дефективностью: «субординатизмом», т.е. мыслью о «подчиненности» и, следовательно, в какой-то мере второстепенности Второго и Третьего Лица Св. Троицы пред Лицом Первым. Для самой эллинской философии идея абсолютной единственности и несравнимости ни с чем другим Божественного начала была высочайшим и достославным достижением, убившим в корне политеизм. Но тут же, в этом же пункте, заключался и эллинистический яд для построения иррациональной догмы церкви о Св. Троице. Евангелие приковывает наше внимание не к нумерическому единству Бога-Отца, а к откровению Его в Сыне и Заместителе Его — Духе Святом, т.е. к трёхличности Божества. Это полный взрыв философско-математического мышления. Эллинская философия, заняв верховную позицию монотеизма, очутилась пред антиномической загадкой: откуда же и как рядом с абсолютным единством явилось относительное множество, разнообразие, вся пестрота космоса? Как, чем, каким мостом перекрылась эта непереходимая логическая пропасть? Это крест для ума эллинской философии. Она его разрешила для себя на грубых и аляповатых путях пластического мышления, вернее, фантастических иллюзий. Это — иллюзии пантеизма. «Все из воды», «все из огня», «все из вечного спора стихий» и т.п., т.е. весь мир ткется из материи того же абсолютного бытия. Так принцип абсолютности бесполезно разрушается, и все равно цель не достигается: источник конечного, множественного бытия остается загадкой. В этом вечная немощь пантеизма, не перестающая, однако, соблазнять, казалось бы, немалые умы даже наших современников. Без иррациональной идеи свободного творения Богом мира «из ничего» все равно зияющая бездна между Богом и миром рационально-философскими средствами ничуть не устранима... И если не пантеистический «матерьялизм», то на сцену являются образы «посредников», полубогов, эонов гностицизма. ...

Окружавшая Ария атмосфера почти всеобщего субординатизма казалась ему вполне его оправдывающей. Своей безжалостной диалектикой Арий обнажал философскую недоразвитость кафолической доктрины о Св. Троице. И этим пробудил глубокую реакцию в церковном самосознании и чрезвычайную творческую работу самых сильных и философски просвещенных умов кафолической церкви, каковы, например, Великие Каппадокийцы, которые и оборудовали церковный догмат о Св. Троице новой защитной философской терминологией, не допускающей перетолкования.

Арий исходил из трансцендентного аристотелевского понятия о Боге как Едином Нерожденном Самозамкнутом Абсолютном, по этой своей абсолютной сущности несообщаемом ничему иному неабсолютному, Все, что вне Бога, инородно Ему, чуждо, ибо **произошло**. Все **происшедшее** (и в смысле материи, и пространства, и времени), следовательно, не из Бога, а из ничего, из полного небытия, одарено бытием извне лишь по творческой воле Божией. Этот таинственный и загадочный для разума акт приведения всех тварных вещей и существ из небытия в бытие, ввиду непреодолимого бессилия и иудейской и эллинской философствующей мысли, невольно породил и простую мысль (гипотезу), и рядом гностически вычурную: о посредниках между Творцом и тварями. Минимально в этой роли посредника на первом и исключительно высоком месте разумеется Логос, как орудие творения. «Словом Господним небеса утвердишася и Духом уст Его вся сила их» (Пс. 32:6).

Кто же, по существу, Сам Этот Логос, через Которого создан весь высший небесный мир и все небожители, не говоря уже о космосе? Раз Он — орудие творения, то, самоочевидно, Он раньше самого космического времени, раньше всех веков, но Он не вечен. «Было некогда, когда Он не был». «И Он не существовал, прежде чем произошел». «Но и Он имел начало Своего сотворения».

Итак — откровенно!! — «Он **произошел из несущего**». Хотя Он и «рожденный», но, значит, в смысле «происшедшего» вообще. «Сын — по благодати», **а не по сущности**. В сравнении с Отцом как Абсолютным, «с сущностью и свойствами Отца», Сын, конечно, «**чужд и неподобен** им решительно по всем пунктам».

Сын хотя и совершеннейшее, но все же **творение** Божие. Как творение, Он — изменчив. Правда, Он — безгрешен, но своей волей, своей нравственной силой. Отец предвидел эту безгрешность и потому возложил на него подвиг вочеловечения. Все это до кощунственности логично. Ногоре было в том, что доникейское греческое догматическое сознание было так неразработано, что сама идея Логоса, популярная во всей ходячей интеллигентской философии, была благоприятной почвой для широкого развития по всему эллинскому Востоку яда арианской логологии.

На что же можно было опереться в церковном предании, возражая на эту рационально-соблазнительную систему? Что противопоставить ей? Во-первых, конечно, простые, неухищенные, но веские слова Нового Завета: «*Велика благочестия тайна: Бог явился во плоти*» (1 Тим. 3:16). «*В Нем обитает вся полнота Божества телесно*» (Кол. 2:9). Он «не почитал хищением быть **равным Богу**» (Фил. 2:6). Но для вставших на дорогу Аристотелевой схоластики, как Арий, и эти слова Писания подлежали, по их мнению, высшему философскому истолкованию. К счастью, в восточном богословии не иссякла струя, идущая от ап. Павла через мужей апостольских, которая не подчиняла Аристотелевым категориям «юрродства апостольской проповеди о Христе Распятом», что «для иудеев соблазн, а для эллинов безумие» (1 Кор. 1:23). Она «мудрости мира» противопоставляла «юрродство проповеди» (1 Кор. 1:21) о «слове крестном» (1 Кор. 18), спасающем через веру (1 Кор. 21). Словом, сила христианства — не в философии, а **в сотериологии**.

Вот эту не эллинско-философскую и не иудейско-законническую, а подлинно христиански-«юрродивую» линию **сотериологическую**, линию тайны Креста Христова и проводила так называемая условно Малоазийская богословская школа.

Св. Игнатий, епископ Антиохийский («муж апостольский»), суть христианской доктрины (явно всюду ее противопоставляя бреду гностиков)

определяет как οικονομία εἰς τὸν καινὸν ἀνθρώπων, как «домостроительство», т.е. планомерное созидание «нового человека» вместо ветхого, растлившего себя и мир грехом. Начинается новый совершенный человек с момента зачатия и рождения Иисуса Христа, чем полагается начало реальному «упразднению смерти». А завершится это упразднение только «по воскресению во плоти». Поэтому Христос не просто гностический учитель, а «подлинная наша жизнь», ибо «Он — Бог в человеке». Сообщаемый Христом истинный γνώσις [гносис] не есть только «учение о нетлении», но и **самый факт нетления**. Он свою плоть через смерть привел к нетлению и для верующих в это спасительное значение его смерти и воскресения преподал евхаристию как «лекарство бессмертия». Евхаристия — это «врачевство бессмертия, предохраняющее от смерти»! Вот как реалистически понимается искупление и спасение — это **новое миротворение!!!**

Продолжатель богословия св. Игнатия, другой малоазиец, св. Ириней Лионский, также противопоставивший апостольское предание «лжеименному гносису», еще более образно подчеркивает в деле Христа реальное, «плотное», так сказать, **физическое** восстановление разрушенного грехом человека и мира. Бывший венец, «глава» творения — человек Адам пал, вместо жизни из этой «головы» потекла в человеческий род и в мир отравляющая тления, разложения, смерти. Христос встал на это **головное место**. Он начал собою «нового человека, второго Адама». Его дело состоит в новом «возглавлении» человечества. Этим Он выполнил вместо изменившего «образу и подобию Божию» Адама «домостроительство» (план) Божие о спасении человека. «Возглавляя Собою плоть, взятую от земли, Христос спас Свое собственное создание».

Своим воплощением Христос «соединил человека с Богом». Для чего это нужно? Чтобы **именно человек, сам**, а никто другой, победил супротивника рода человеческого: в противном случае «враг не был бы подлинно побежден человеком».

«И опять, если бы не Бог даровал спасение, то мы не имели бы его прочно».

*«И если бы человек не был **соединен с Богом**, то он не мог бы **причаститься к нетлению**».*

Итак, Христос в чудесном факте Своей Богочеловеческой Личности уже представляет в сжатом виде все наше спасение: "in compendio nobis salutem praestat".

Вся диалектика св. Игнатия и св. Иринея проходит мимо бесплодного гностицизма в догматике. Цель догмы для них не мозговая, а практическая — почуять, в чем секрет спасения? понять христианскую **сотериологию**.

Такова была не отравленная ядами иудаизма и эллинизма малоазийская богословская традиция. Традиция оригинальная, «для иудеев соблазн, для эллинов безумие». А вот ее-то на время и забыли «университетские» богословы Антиохийской и Александрийской школ. Александр Александрийский, первый восставший против широко разливавшегося мозгового догматствования, был однако, скорее, простецом в сравнении с окружавшей его университетской интеллигентской средой. И надо думать, что с первых же дней спора Ария с Александром за спиной последнего встал и укрепил его некто другой — Афанасий, поистине Великий. Прирожденный богословский гений, автодидакт, не университетский выученик, но одаренный диалектик, глубоко вжившийся в подлинно церковную традицию, по существу тождественную с малоазийской школой. Именно эту малоазийскую концепцию и продолжил, и развил, и ею

победоносно защитил поколебленное на Востоке православие молодой еще в ту пору диакон Афанасий. ... Его терминология невыдержанна и непоследовательна. Его логика ведет к выводам не рациональным, а сверхрациональным. Но интенция его диалектики не поддается перетолкованиям. Она ясна. Она руководится интересом не мозговым, а религиозным, и именно — **сотериологическим**.

Логос — Сын — Христос, по Афанасию, «**вочеловечился** для того, чтобы и мы **обожились**». Последняя цель всего — возвращение мира к нетлению. Он облекается в тело, чтобы это тело, приобщившись к Логосу, Который над всеми, стало вместо всех достаточным (удовлетворяющим) для Смерти и, ради вселившегося (в тело) Логоса, пребыло бы нетленным и чтобы затем (поразившее) все (всех и вся) тление прекратилось через благодать воскресения.

То, что произошло в боговоплощении Логоса, не вытекает как естественное следствие из существующего порядка вещей, это не вытекает и из нашей логики, не подлежит арианской рационализации. Это чудо, разрывающее ткань тварного и тленного мира, это **единственно** и объективно **новое** под солнцем, новое второе творение после первого миротворения. ...

У Сына с Отцом **природное** (или «физическое») **единство** — φυσικη ενοτης, **тожество природы, тожество божества** — ταυτοτης θεοτητος, Сын **единоприроден**, един по бытию, т.е. единосущен. Он не какая-то промежуточная природа — μεσοτενουσα φυσις, ибо «если бы он был Богом только по причастию к Отцу, будучи Сам через это обожен, то Он не мог бы и нас обожить — επινεκτεουσις και Αυτος, ουκ αν εθεοποισε θεοπιουμενος και Αυτος». Сотериологическая ценность догмата превалирует над всем. Ею спасает Афанасий живую сущность христианства, идя по стопам антигностической малоазийской школы»⁴⁹.

В сознании СИ прочно укоренены ряд навязанных мифологем в отношении истории развития учения о Троице и событий, связанных с Арием и Никейским собором (325 год н.э.). Среди СИ считается, что Божество Христа было утверждено лишь на Первом вселенском соборе и то при помощи авторитета Константина Великого, сыгравшего чуть ли не ключевую роль в богословском споре.

В действительности же реакция Церкви на проповедь александрийского пресвитера Ария была изначально категоричной. Церковь не узнала в проповеди Ария о Божественности Христа той веры, которой всегда придерживалась, хотя и без вероучительных формулировок. Мало кто знает, что еще до Никейского собора в 324 году н.э. состоялся поместный Антиохийский собор, на котором взгляды Ария, которые шли с общим исповеданием веры, были осуждены Церковью без всяких внешних воздействий.

Решение Никейского собора и участие Константина действительно были судьбоносными. Однако далеки от исторической правды те, кто полагает, будто собор этот положил конец арианству. В действительности же после Собора еще не одно десятилетие повсеместно наблюдалась общая антиникейская реакция, поддерживаемая политикой и интригами. Афанасий Великий, главный идейный противник Ария, неоднократно отправлялся в ссылки, проведя в них в общей сложности 20 лет. Причем первая ссылка имела место еще при Константине Великом, который был крещен полуарианским епископом Евсевием Никомедийским. Императоры, занимавшие престо после Константина, были либо арианами,

⁴⁹ «Вселенские соборы», А.В. Карташев, гл. «Арианство».

либо полуарианами. И лишь в результате утонченной богословской борьбы победа никейской веры окончательно одержала вверх в 381 году н.э.

Мысли о Боге и нашем спасении

Я предполагаю, что обычному СИ нелегко понять суть вышеизложенной информации, потому что Организация не рассматривает вопрос спасения с такой стороны. Однако здесь мы подошли к самому кульминационному моменту – почему отрицание Божество Христа делает невозможным спасение рода человеческого? Это тот самый пункт христологии, из-за которого христианский мир отказывает СИ в праве именоваться христианами.

В учении о спасении (сотериологии) СИ центральным пунктом является искупительная жертва Христа или просто выкуп. Понимаемый сугубо в юридических категориях права выкуп, по представлению СИ, должен был заплачен ни больше, ни меньше жизнью совершенного человека, «последнего Адама», которым и стал Иисус Христос.

Концепция спасения, проповедуемая Организацией, прекрасно обходится без Богочеловечества Христа. СИ просто довели до логического конца протестантскую идею заместительной жертвы Христа. Для чего, спрашивается, Христу нужно было быть Богом, если все что требовалось - это равноценный выкуп за жизнь Адама?

А действительно ли все что требовалось для спасения – это жертвенная смерть совершенного человека? Каким образом (если мы говорим о справедливости) смерть невинного человека может дать возможность прощения виновных? Почему за преступление виноватого должен понести наказание невинный? Почему смерть и страдания невинного человека оправдывают виноватых? Это просто не умещается в уме и не соответствует нашим представлениям о справедливости.

На этом внутренние противоречия не заканчиваются. В ВЗ неоднократно подчеркивается, что Иегова решительно не приемлет человеческих жертвоприношений. Но чем, как не жертвой умиловления, принесенной Богу, был человек Иисус Христос? Как Бог мог с благоволением принять кровь собственного Сына? Зачем она ему потребовалась? Неужели чтобы простить адамов грех, Богу Отцу нужно было самому себе (!) принести в жертву совершенную жизнь Сына?

Вся эта концепция буквально пропитана юридизмом. Стоит заметить, что юридическая концепция искупления безраздельно господствует в западном богословии, особенно, начиная с католического богослова Ансельма Кентерберийского, разработавшего эту идею в XII веке. Чарлз Рассел же воспринял типичную для протестантизма правовую теорию выкупа. Современные публикации Общества обосновывают именно такой юридический взгляд на искупление.

Учение Организации о выкупе опирается на несколько ключевых моментов, один из которых – представления СИ о самом Боге. Ниже на основании Сторожевой башни за 1991 год от 15 февраля и книги «Приближайтесь к Иегове» (14 гл.) мы подробно рассмотрим учение об искуплении, которое предлагает Организация:

«На основании унаследованного несовершенства все потомки Адама являются «чадами гнева», заслуживающими смерть (Ефесянам 2:3; Второзаконие 32:5). Бог не мог поддаваться

беспринципному чувству и просто простить людей. В Его собственном Слове говорится: «Возмездие за грех – смерть» (Римлянам 6:23). Простить греховное состояние человечества для Бога значило бы пренебречь Своими собственными справедливыми нормами и сделать недействительным Свое законное право (Иов 40:8). „Правосудие и правота – основание престола Бога“ (Псалом 88:15). Любое отклонение от справедливости с Его стороны было бы только ободрением к беззаконию и подорвало бы Его положение как универсального Суверена. (Сравни Екклесиаст 8:11.)»⁵⁰

«Необходимость в выкупе возникла из-за греха Адама. Восстав против Бога, Адам передал по наследству всем своим потомкам болезни, страдания, боль и смерть (Бытие 2:17; Римлянам 8:20). Бог не мог проявить здесь снисходительность и заменить смертный приговор на менее строгое наказание. Сделать так означало бы нарушить свой собственный закон, который гласит: «Плата греха — смерть» (Римлянам 6:23). Если бы Иегова поступился своими нормами справедливости, во Вселенной воцарился бы хаос и беззаконие»⁵¹.

Мы бесконечно виноваты перед своим Творцом, это – так. Но разве смертельный диагноз убивает больного? Разве смертельный приговор делает человека преступником? Неужели авторы этих статей всерьёз считают, что различие между добром и злом лишь в том, что за последнее Бог учредил наказание? Не получается ли, что причина смерти людей в Боге⁵²? Смерть Адама и его потомков была естественным следствием его греха, который привел к необратимому повреждению совершенного человеческого естества, к потере богоподобия, которое имели первые люди. Поэтому якобы беспринципное чувство прощения к последствию грехопадения отношения не имеет. Бог мог трижды простить Адама и Еву, но от этого онтологическое повреждение человеческой природы, и, как следствие, смерть, не исправилась бы.

«Венец творения – человек проявил неповиновение, не благоговение и, таким образом, оскорбление Бога. Но при сопоставлении этих двух факторов (рассечение существа человека и оскорбление Творца), последнее теряет всякую значимость. Аналог: отец, уходя, заповедал сыну слушать его во всём и не кататься на форточке пятого этажа. Сын нарушил заповедь, проявил самость и т.д. Любящему отцу и в голову не придёт, видя сына искалеченным, предъявлять ему какие бы то ни было требования по возмещению оскорблённого величия или поруганной справедливости»⁵³. Конечно, отец осудит поступок сына, но прежде всего он будет думать, как помочь ребенку. "Грех, делает нас более несчастными, чем виновными", - пишет преп. Иоанн Кассиан (IV век)⁵⁴.

«Богу нужно было выяснить и другие вызванные мятежом сатаны спорные вопросы, спорные вопросы, которые имеют намного большее значение, чем затруднительное положение людей. Сатана набросил тень на доброе имя Бога, обвиняя Иегову во лжи и в жестоком диктаторстве, в лишении Своих созданий знания и свободы (Бытие 3:1–5). Кроме того, тем,

⁵⁰ Сторожевая башня за 1991 от 15 февраля, стр.11, статья «Соответствующий выкуп для всех».

⁵¹ «Приближайтесь к Иегове», гл. 14 с. 138 абз. 3.

⁵² Организация учит именно так. Объясняя Рим. 8:20 Общество учит, что причиной смерти Адама явился Божий приговор. Однако кощунственно думать, что причина страдания и смерти человека есть карающая воля Иеговы. Распад, тление и смерть есть зло (Втор. 30:15, 1 Кор. 15:26), Бог же не может быть источником зла. Человек был наказан тем, что он сам сделал с собою в грехопадении. Выражение «творение было покорено суете не по своей воле, но через покорившего его, в надежде» (Рим. 8:20) следует понимать в том же смысле, что и ожесточение Богом сердца фараона. Иегова *допустил* начало распада и тления человека. Верно говорится во второканонической книге Септуагинты, Премудрость Соломона: «**Бог не сотворил смерти** и не радуется гибели живущих» (Прем. Сол.1:13).

⁵³ «Православие – Протестантизм. Штрихи полемики», стр. 117, свящ. Вячеслав Рубский.

⁵⁴ Прп. Иоанн Кассиан. Собеседование 23,15 // Писания преп. Иоанна Кассиана Римлянина. М., 1892. С. 599.

что он, по-видимому, сорвал Божье намерение наполнить землю праведными людьми, сатана обвинил Бога в несостоятельности (Бытие 1:28; Исаия 55:10, 11). Сатана также осмелился клеветать на лояльных служителей Бога, выдвигая обвинение в том, что они служили Ему только по эгоистическим мотивам. Если бы оказать на них давление, хвастался сатана, ни один из них не остался бы лояльным Богу (Иов 1:9–11).

Эти вызовы нельзя было игнорировать. Если бы они остались неотвеченными, то доверие к правлению Бога было бы подорвано и поддержка его правления, в конце концов, ослабела бы (Притчи 14:28). Разве не царил бы хаос во всей вселенной, если бы право и порядок были нарушены? Бог был обязан ради Самого Себя и Своих справедливых путей оправдать Свой суверенитет. И Он был обязан позволить Своим верным служителям оказывать свою нерушимую лояльность к Нему. Это значило так обходиться с состоянием грешного человечества, чтобы в отношении великих спорных вопросов был создан прецедентный случай. Позднее Бог заявил Израилю: «Я, Я Сам изглаживаю преступления твои ради Себя Самого» (Исаия 43:25)⁵⁵.

Обратите внимание, насколько эти слова отдают сухим юридизмом: «спорные вопросы», «права и порядок», «суверенитет», «лояльность», «прецедентный случай». Это и неудивительно, особенно если учесть, что учение о спорном вопросе и оправдании владычества Иеговы было разработано вторым президентом Общества, судьей и юристом Дж. Рутерфордом⁵⁶. Интересно, приходило ли в голову апостолам рассматривать библейскую историю в такой правовой перспективе?

Попробуйте посмотреть со стороны на эту доктрину. Во-первых, ни один из приведенных здесь библейских стихов прямо не говорит о спорном вопросе и оправдании владычества. Во-вторых, Бог оказывается несвободным и понуждаемым к каким-то действиям. Исходная посылка христианского богомыслия состоит в том, что всякое действие Божие происходит по Его абсолютно свободной воле. Бог не может быть понуждаем никем в принципе. В-третьих, Богу, по сути, приходится оправдываться перед мятежным творением! Ему нужно, оказывается, доказывать что-то, выяснять!⁵⁷ Не абсурдно ли это?! Не переоценили ли СИ Сатану и его возможности?

Если выяснение спорных вопросов было важнее спасения людей, то почему об этом не сказано в Евангелии? Почему единственной причиной прихода на землю Единородного Сына по Евангелию, названа любовь Бога к людям (см. Ин. 3:16)?!

Далее мы читаем в той же статье из «Сторожевой башни»:

«Этот предсказанный выкуп должен был быть точным эквивалентом Адама, так как смертная казнь, на которую справедливым образом Бог осудил Адама, принесла с собой осуждение для всего человечества. В 1 Коринфянам 15:22 говорится: «В Адаме все умирают». Поэтому миллиардам людей не нужно было умирать жертвенной смертью, чтобы предоставить эквивалент для каждого в отдельности потомка Адама. «Одним человеком [Адамом] грех вошел в мир, и грехом смерть» (Римлянам 5:12). И так как «смерть [пришла] чрез человека», и искупление человечества может прийти «чрез человека» (1 Коринфянам 15:21)».

⁵⁵ Сторожевая башня за 1991 от 15 февраля, стр.11, статья «Соответствующий выкуп для всех».

⁵⁶ До правления Рутерфорда среди СИ центральным учением Библии считался лишь выкуп Христа.

⁵⁷ Обратите внимание на то, что Бог в итоге так и не объяснил Иову причину его страданий. Он не стал говорить, что сатана являлся причиной его испытания. Вместо этого Господь лишь указал Иову на свое Всемогушество и Промысел (Иов 38-42).

Так кто же приговорил Адама к смертной казни: Бог или он сам? Если отец говорит своему ребенку, чтобы тот не отпускал его руки, дабы не упасть, а ребенок все же отпускает руку отца и падает, разбивая коленки, то можно ли здесь говорить об осуждении со стороны отца? Разве не Адам сам себя оторвал от Источника жизни и умер⁵⁸?

«Став человеком, этот Сын получил имя Иисус. Но с юридической точки зрения его можно было назвать вторым Адамом, поскольку он полностью соответствовал совершенному человеку Адаму (1 Коринфянам 15:45, 47). Поэтому Иисус мог отдать себя в жертву в качестве выкупа за грешное человечество»⁵⁹.

Опять мы сталкиваемся с юридическим подходом к НЗ. В контексте 15 главы 1 Коринфянам ап. Павел говорит вовсе не о выкупе, а воскресении. Христос – «последний Адам» потому что другого родоначальника, нового, одухотворенного, а не плотского, человеческого естества, не будет. Первый Адам дал жизнь потомству «земному», второй Адам дал жизнь потомству «небесному» (1 Кор. 15:47-49).

«Но возмещением за грех Адама отменяется смертный приговор, тяготеющий над его потомками (Римлянам 5:16). С точки зрения права, уничтожающая сила греха отрезана непосредственно у ее источника. Искупитель „вкусил смерть за всех“, неся последствия греха за всех детей Адама (Евреям 2:9; 2 Коринфянам 5:21; 1 Петра 2:24)».

Подобным образом суть выкупа объясняется в книге «Приблизься к Иегове»: *«Пожертвовав своей жизнью, искупитель должен был «вкусить смерть за каждого». Другими словами, он заплатил бы за грех Адама (Евреям 2:9; 2 Коринфянам 5:21; 1 Петра 2:24). Это стало бы правовой основой для отмены смертного приговора всем послушным потомкам Адама, поскольку выкуп уничтожил бы разрушительную силу греха (Римлянам 5:16)»⁶⁰.*

«Кому был уплачен выкуп? В Псалме 48:8 ясно сказано, что выкуп платится Богу. Но разве не сам Иегова предоставил выкуп? Да, однако это не превращает выкуп в бессмысленный, формальный обмен, подобный перекалыванию денег из одного кармана в другой. Важно учесть, что выкуп — это не буквальная оплата, но правовое урегулирование. Предоставив выкуп, Иегова подтвердил, что он твердо придерживается своих совершенных справедливых норм, даже если это обходится ему очень дорого (Бытие 22:7, 8, 11—13; Евреям 11:17; Иакова 1:17)»⁶¹.

Обратите вновь внимание на то, что отношение Бога с людьми строится на принципах юридического права. Действительно ли Небесный Отец общается со своими детьми на таком уровне? Нет ли здесь чего-то совершенно неестественного? Тот ли это образ Бога, открываемый нам на страницах Писания?

⁵⁸ «смерти же Он не велел быть, но предсказал, что она будет на основании преступления, говоря: От дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь, — дабы, сохраняя совет и уклоняясь от преступления, мы не подверглись смерти. А то, что Он сказал тогда не о смерти тела, а о смерти души, видится на том основании, что они телесно не умерли в тот день, когда вкусили от запрещенного древа. Но в чем выражается смерть души? — В оставлении Божиим. Потому что как тогда, когда налицо свет, невозможно, чтобы в том же самом месте была и тьма, но когда свет покинет место, настает мрак, имеющий свое бытие не от света, но от тени, бывающей тогда, когда свету прегражден доступ, — так и тогда, когда Бог, сущий Сама Жизнь и Жизнь всех живущих, и особенно живущих духовной жизнью, присутствует в наших душах, невозможно, чтобы и смерть там была» (св. Григорий Палама, «О смерти и покаянии»).

⁵⁹ «Приблизьтесь к Иегове», гл. 14 с. 144 абз. 13.

⁶⁰ «Приблизьтесь к Иегове», гл. 14 с. 142—143 абз. 11.

⁶¹ «Приблизьтесь к Иегове», гл. 14 с. 144 абз. 14.

Разве разрушительная сила греха действует в людях лишь в области права, а не онтологической реальности? Разве сила греха коренится не в падшей природе человека как таковой? Почему же СИ мыслят о спасении не в категориях осязаемого бытия, а в контексте правового урегулирования отношений Бога с человечеством или даже с самим собой? Верно замечено: "человеческая природа, поврежденная изнутри, может быть и спасена только изнутри, а не внешним актом купли или колдовства, который оставляет нетронутым ее греховный корень. А значит, неприемлема банковская процедура перевода "заслуг" Христа на спасаемых Им людей"⁶².

Стоит заметить, что в НЗ нигде прямо не говорится о том, что смерть Христа есть возмещение или выкуп лишь за грех Адама. Напротив, неоднократно говорится о том, что Христос умер «как соответствующий **выкуп за всех**» (1 Тим. 2:6, Мат. 20:28), «**за грехи всего мира**» (1 Ин. 2:2) «**а дар при многих проступках — объявление праведными**» (Рим. 5:16). Источником или силой греха, является не сам Адам, ибо он давно мертв, и не Божий приговор как таковой, а поврежденность человеческой природы, повлекшей за собой страстность, тленность и смертность.

Говоря «в Адаме все умирают» (1 Кор. 15:22), ап Павел под Адамом явно подразумевает не просто приговор, вынесенный ему, а прежде всего состояние человеческого естества, пораженного из-за Адама болезнью греха. Поэтому смерть Христа невозможно рассматривать лишь как возмещение за первый грех одного Адама. В **Рим. 5:15-17** ап. Павел ясно говорит, что жертва Христа несравнима больше по силе в сравнении с последствием поступка Адама. В деле искупления покрытие греха Адама - лишь полдела, так как каждый его потомок согрешает лично. Недостаточно лишь загладить грех прародителя, необходимо покрыть грехи всех.

Значит, смерть Христа определенным образом и всеобъемлюще исправила пораженное грехом человеческое естество и потому делает возможным прощение грехов и искупление всех людей без исключения во все времена. Очевидно, что просто человеку, даже совершенному, это было бы не под силу, ведь требовалась сила, превышающая человеческую.

Можно ли вообще говорить о «возмещении»? Что – Бог понес ущерб в результате греха Адама? От Его полноты что-то убавилось? Как Бог, в котором нет и тени перемены, вдруг понес ущерб? В центре правовой концепции выкупа стоит не человек, а Бог. Выкупая нас, получается, Он решает свои вопросы, свое отношение к людям меняет Бог, а не самих людей и их искаленную природу.

Итак, согласно представлениям СИ, Бог отдает Христа на смерть в качестве возмещения за грех Адама самому себе, чтобы отменить смертный приговор. Делает он это исключительно из-за своих же принципов справедливости, согласно которым требуется для покрытия или замещения эквивалентная «душа за душу». Однако опять же, нигде в НЗ не говорится о том, что искупление связано со справедливостью Бога. Напротив, мы постоянно читаем о любви: «**Бог же показывает нам свою любовь тем, что Христос умер за нас, когда мы были ещё грешниками**» (Рим. 5:8, ср. Ин. 3:16, 1 Ин. 4:10). Не справедливость он показывает, а свою любовь! Любовь может сделать то, чего справедливость сделать не может: «Милосердие торжествует над судом» (Иак. 2:13).

«Любовь всегда несправедлива. Рядом с жертвенной любовью закон справедливости блекнет. Вспомним притчу о наёмниках в разное время (Мф. 20,1-16), вспомним притчу о

⁶² Трубецкой Е. Н. «Смысл жизни». — Берлин, 1922, с. 198.

блудном сыне (Лк. 15.20), о каком “требовании расплаты за грех” от лица святости может идти речь в духе Нового Завета? Ведь Господь недвусмысленно давал понять, что и хозяин, “несправедливо” одаривающий последних и отец блудного сына, прощающий всё без тени справедливости это – Он Сам!»⁶³.

Отцовская любовь безусловна. «Бог есть любовь» (1 Ин. 4:8) и это главное откровение о Боге. Если даже несовершенные люди могут простить своих детей без выдвигаемых по справедливости требований, то почему этого не может сделать Бог? Почему праведный царь Давид простил своего предателя-сына Авессалома и не желал ему заслуженной смерти, а Господь не мог?

Более того, почти все, что думают СИ о Боге, противоречит библейскому определению любви: «любовь ... не ищет своего, не раздражается, не ведёт счёт обидам, всё переносит [букв. «покрывает»], никогда не проходит» (1 Кор. 13:4-8). Бог не решал вопросы своего оправдания («не ищет своего»), посылая Сына на землю. Бог не выносил осуждения и смертного приговора Адаму и его потомкам («не раздражается, не ведёт счёт обидам, всё переносит» [букв. «покрывает»]). Бог никогда не переставал любить человечество («никогда не проходит»), и ему потому не приходилось возвращать своего прежнего отношения к нему.

В чем же в таком случае заключался выкуп? Кому он был уплачен? И как его вообще следует понимать?

Прежде всего, необходимо иметь в виду, что искупление в любом случае остаётся тайной (1 Пет. 1:11,12). Поэтому тайна искупления не может быть полностью выражена человеческими понятиями. Оттого в Писании используются образы, в том числе юридические⁶⁴, раскрывающие глубинный смысл Откровения. Например, в Библии часто употребляются такие антропоморфные выражения, как глаза, руки, уши, гнев, раскаяние и ненависть Бога. Ясно, что Он не имеет глаз и что Иегова буквально не сидит на престоле, свесив ноги на землю (Ис. 66:1)⁶⁵. Бог говорит с людьми на том языке образов и понятий, которые люди в состоянии понять.

Да, в НЗ смерть Христа изображается как «выкуп», как «жертва умилоствления» и даже как «жертва Богу для сладкого благоухания» (Эфессянам 5:2). Но насколько буквально нужно понимать эти выражения? Юридическая теория искупления понимает их в догматическом плане буквально, и в результате мы приходим к выводам, идущим в разрез с евангельскими представлениями о Боге, любви и справедливости.

Если смерть Христа была выкупом, то кому он был заплачен? Если «умилоствлением», то неужели гнев Небесного Отца нужно было задобрить кровью его Сына? Если смерть Сына была «сладким благоуханием», то неужели его страдания были приятны Отцу?

Об этих вопросах еще в IV веке размышлял Григорий Богослов, написавший: «Остаётся исследовать вопрос и догмат, оставляемый многими без внимания, но для меня весьма

⁶³ «Православие – Протестантизм. Штрихи полемики», стр. 199, свящ. Вячеслав Рубский.

⁶⁴ Например, слово «оправдание», которое часто встречается в посланиях ап. Павла является юридическим термином, используемым в римском судебном праве. Слово «выкуп» означало сумму, уплачиваемую за освобождение раба.

⁶⁵ СИ, понимая Библию буквально, считают, что Бог живет в духовной сфере и у него есть «место обитания». «Библия учит тому, что обитель Бога находится не в материальной Вселенной, но тем не менее в совершенно определенном месте» (g05 8.3. с. 20). Однако это противоречит таким текстам как 1 Цар. 8:27, Иер. 23:24, где выражена мысль о вездесущии Бога. Ведь, если Бог обитает в совершенно определенном месте, значит, он имеет тело и ограничен пространством! В книге «Жить вечно» гл. 4 с. 36 абз. 6, об этом говорится прямо!

требующий исследования. Кому и для чего пролита сия излиянная за нас кровь - кровь великая и преславная Бога и Архиерея и Жертвы? Мы были во власти лукавого, проданные под грех и сластолюбием купившие себе повреждение. А если цена искупления даётся не иному кому, как содержащему во власти, спрашиваю: кому и по какой причине принесена такая цена? Если лукавому, то как сие оскорбительно! Разбойник получает цену искупления, получает не только от Бога, но Самого Бога, за свое мучительство берёт такую безмерную плату, что за неё справедливо было пощадить и нас! А если Отцу, то, во-первых, каким образом? Не у Него мы были в плену. А во-вторых, по какой причине кровь Единородного приятна Отцу, Который не принял и Исаака, приносимого отцом, но заменил жертвоприношение: вместо словесной жертвы дал овна? Или из сего видно, что приемлет Отец не потому, что требовал или имел нужду, но по домостроительству и потому, что человеку нужно было освятиться человечеством Бога, чтобы Он Сам избавил нас, преодолев мучителя силою, и возвел нас к Себе чрез Сына посредствующего и все устрояющего в честь Отца, Которому оказывается Он во всем покорствующим? Таковы дела Христовы, а большее да почтено будет молчанием»⁶⁶.

«Протестантское богословие поставило своей задачей ответить на вопрос, на который не может быть удовлетворительного ответа: “Кому была принесена жертва?”. Правильно на этот неправильный вопрос ответить невозможно, ибо жертва была принесена не “кому-либо”, а “ради” человека. Аналог: отец, уходя из дома, заповедал детям не трогать спички. Дети нарушили заповедь, дом горит, дети гибнут. Отец, увидев происшедшее, бросается в горящий дом, чтобы спасти преступников. Он знает, что наверняка получит значительные ожоги и увечья, но, не раздумывая, соглашается на эту жертву ради непослушных (и впоследствии неблагодарных) детей. Итак, в этой притче есть жертва, есть преступление, наказание, спаситель и спасение. Но абсурдно ставить вопрос: кому приносил жертву отец? Так и жертва искупления совершается не кому-то или за кого-то, а ради человека. Преступники сами наказали себя непослушанием, спаситель спасает их, думая не о непомерной виновности, а только об их бедственном положении»⁶⁷.

Конечно, в НЗ неоднократно говорится, что выкуп дает «прощение грехов» (Мат. 26:28, Деян. 13:39, Эф. 1:7, Кол. 1:14). Однако это "прощение" нельзя понимать лишь как акт юридический, а нужно видеть в нем действительное отнятие от нас греха, очищение греха (см. 1 Ин. 1:7, Тит. 2:14, 1 Пет. 2:24, Отк. 1:5). По-настоящему важно избавить человека не только от осуждения за грех, но и от самого греха: «Она родит сына, и ты назовёшь его Иисус, потому что **он спасёт свой народ от грехов**» (Мат. 1:21).

Для того чтобы понять, что есть спасение, важно помнить, почему оно понадобилось. Грех Адама разорвал соединение совершенного человека с Богом. Грех поразил волю и природу человека. Начался распад и тление человеческого естества. До грехопадения человек имел образ Божий. Уровень общения человека с Богом был совершенно иным. Человек потерял онтологическую причастность Богу. Соответственно, для того чтобы по-настоящему спасти человека нужно вновь соединить его с Богом. Причем соединить не просто нравственно или умственно, но онтологически.

Вообще чтобы оперировать новозаветным понятием «спасение», необходимо помнить, что оно собственно означает на греческом языке, на котором писали апостолы. Дело в том, что греческое слово *soteria*, которое у нас традиционно переводится как «спасение», на самом деле означает нечто иное, нежели у нас; во всяком случае, вызывает иные ассоциации. Корень этого

⁶⁶ Собрание творений. Том 1. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1994г. стр. 675-676.

⁶⁷ «Православие – Протестантизм. Штрихи полемики», стр. 117, свящ. Вячеслав Рубский.

слова *so-*. Наиболее понятен будет его смысл из прилагательного с тем же корнем – *soos*, то есть «целый, целостный, здоровый». Отсюда изначальный смысл слова *soteria* – «целение, дарование целостности, здоровья». Соответственно, слово *Soter*, которое нам известно в переводе как «Спаситель», имеет изначальный смысл «целитель, дарующий целостность». Теперь мы должны задуматься над тем, что же это означает – быть «целым, целостным». Быть целым означает невозможность быть разделенным, невозможность распада на составляющие элементы. Собственно, синонимом слова *soos* (целый) является слово *atomos*. Да – атом, то есть не-делимый. Кстати, буквальный перевод этого слова на латинский язык нам тоже хорошо знаком: *a-tomos* по-латыни будет *in-dividuus*, индивид.

Теперь мы можем понять, что только достижение неразложимости человеческого «тела» (*soma*) есть подлинное обретение целостности, индивидуальности, есть именно то, что в Библии и в богословии называется *soteria*, буквально «целение», по-русски переводимое как «спасение».

Такое исцеленное состояние целостности человечество обрело только в телесном воскресении Иисуса Христа. Только об Иисусе Воскресшем мы можем сказать, что Он обладает подлинным Телом, неразложимым, бессмертным, здоровым, то есть не несущим в себе распада и болезни греха. Потому в Библии и говорится, что спасение есть избавление от греха и смерти: **«ранами его мы исцелились»** (1 Пет. 2:24).

Лишь осознав это, становятся понятными слова ап. Петра: «И есть нечто подобное, **спасающее** теперь вас, **крещение** (не избавление от телесной грязи, а просьба к Богу о чистой совести), **через воскресение Иисуса Христа»** (1 Петра 3:21, ПНМ).

Если говорить максимально точно: не смертью Христа, как таковой, мы спасены, а тем, что смерть оказалась в Нем бессильна. Смерть Христа без последующего воскресения бессмысленна. Христос активным усилием своей воли вторгается в область смерти и разрушает это царство сатаны, возвращаясь к жизни и навеки ломая адские врата (см. Деян. 2:24, 2 Тим. 1:10, Отк. 1:18). «Тление изгоняется натиском жизни» (преп. Иоанн Дамаскин)⁶⁸. «Не смерть Христа как таковая дала миру жизнь, но Сам Христос, но то, что и в смерти Его было живым и бессмертным»⁶⁹. Не от убийства, не от беззакония спасение — а от того, что Жизнь оказалась сильнее. Не юридическую или нравственную ответственность за грехи людей перед лицом Отца взял на Себя Христос. Он принял на Себя **последствия** наших грехов. Ту ауру смерти, которою люди окружили себя, изолировавшись от Бога, Христос заполнил Собою. Люди далеко ушли от Бога, невольно пододвинулись к небытию — и туда, к той же границе небытия свободно подошел Христос. Не приемля самого греха, но приемля последствия греха. Как пожарный, бросающийся в огонь, не соучаствует в вине поджигателя, но соучаствует в боли тех, кто остался в охваченном огнем здании.

«Не всех людей Христос нашел на земле. Многие уже ушли в шеол, в смерть. И тогда Пастырь идет вслед за потерявшимися овцами — в шеол, чтобы и там, в бытии после смерти, человек мог находить Бога. Христос проливает кровь не для того, чтобы умиловать Отца и дать Ему «юридическое право амнистировать» людей. Через пролитие крови Он, Его любовь, ищущая людей, получает возможность для входа в мир смерти. Не как *Deusexmachina* [т.е. нарочито, неожиданно с небес – прим. авт.] врывается Христос в ад, но Он входит туда, в

⁶⁸ Цит. по.: прот. Г. Флоровский. О смерти крестной, с. 174.

⁶⁹ свящ. Сергей Щукин. Современные думы. // Вестник РСХД. № 122, с. 203.

столицу своего врага, естественным путем — через Свою собственную смерть. Христос мучительно умирает на Кресте не потому, что Он приносит жертву Отцу или диаволу — “Он раскинул руки Свои на кресте, чтобы обнять всю вселенную” (св. Кирилл Иерусалимский. Огласительные беседы. 13, 28). Жертва Христа — это дар Его любви нам, людям. Он дарит нам Себя, Свою Жизнь, полноту Своей Вечности. Мы не смогли принести должный дар Богу. Бог выходит навстречу и дарит нам Себя. Не Свою смерть (“выкуп”) принес с Собою Христос, а Свою Жизнь. Он взял на Себя наши немощи и наши болезни, чтобы растворить их в бесконечности Своей Божественной любви»⁷⁰.

Но была и другая причина необходимости смерти Христа:

«Смерть же нужна была для того, чтобы исправить повреждения, привнесенные грехами людей в Богосозданную человеческую природу. Кузнец изготовил меч. Затем от небрежения владельца меч покрылся ржавчиной. Чтобы вернуть ему его изначальные свойства, надо меч переплавить и перековать. Но когда меч снова поместят в огонь, он расплавится, то есть на время исчезнет, перестанет быть мечом. Так восстановление проходит через распад, возрождение — через смерть. «Вот в чем таинство Гроба. Восстановить можно только то, что распалось; уничтожить смерть в человеческом естестве можно только тогда, когда она в нем проявилась. Поэтому Христос, понеся на Себе осуждение смерти, испытал ее, и подвергнутую тлению природу, содетельною силою Божества, неразлучно пребывающего с нею, перелагает, перестихийствует в неизменную: восстанавливается человек». Смерть нужна, чтобы разложить на первоначала человеческое естество и переплавить его к новой жизни - как переправляют почерневшее серебро. «Это необходимо было для восстановления падшего естества: разрушение смерти - тления могло совершиться именно оживлением умершего (восстановлением человека в полной духотелесной организации), воскресением, другими словами, исправлением этой природы. Это чудо и свершилось во Христе: “тленное же Твое на нетленное преложилеси”.

Но все это происходит не в бесчувственной плавильной печи, а в Самом Христе. По «очищению естества разложением бывшего в единении» «крепость человечества Его от огня страдания возросла до крепости нетления». В Себя Самого Он принимает смерть, в Себе Самом Он попускает распад и тление — чтобы преодолеть их»⁷¹.

«Путь исцеления состоит в том, что Христос, вобрав в Свою Божественность нашу человеческую природу, не дал ей возможности грешить и тем самым исцелил ее в Себе. Человеческая природа оказалась пронизана всеми Божественными свойствами — “соделана Господом”. Христос исцелил в Себе, в Своей Божественной Личности, воспринятую Им человеческую природу и ее, уже исцеленную, подает нам в Причастии, чтобы чрез исцеление природы исцелить личность каждого из нас. “Итак, чтобы не любовью только, но и самим делом сделаться членами плоти Христовой, мы должны соединиться с этой плотью... Кто отдал вам Своего Сына здесь, Тот тем более сделает для вас там — в будущем. Я восхотел быть вашим братом; Я ради вас приобщился плоти и крови, и эту плоть и кровь, через которые Я

⁷⁰ «Протестантам о Православии», стр. 124. А.В. Кураев.

⁷¹ «Протестантам о Православии», стр. 352-253, А.В. Кураев.

сделался сокровным с вами, Я опять преподаю вам”. Бог взял нашу плоть, чтобы вернуть ее нам исцеленною и пропитанною Духом Жизни, бессмертием»⁷².

«Он вбирает в Себя наше человеческое естество с теми болячками, которые появились в нем после грехопадения. «Ибо какое было бы поправление нашему естеству, если бы, когда болзнет земное живое существо, Божественное посещение приняло какое-либо существо другое, небесное? Если бы больное было на земле, а Божественная же сила не коснулась больного, имея в виду приличное для себя, то бесполезен был бы для человека труд Божественной силы над тем, что не имеет ничего общего с ним... Врачующая сила явилась там, где была болезнь». Болезнь, вошедшая в человеческую жизнь – это так называемые «неукорные страсти»: утомляемость, доступность голоду, скорбям, страх смерти... («Исповедуем, что Христос воспринял все естественные и беспорочные страсти человека... Естественные и беспорочные страсти вошли в человеческую жизнь вследствие осуждения, происшедшего из-за преступления, как, например, голод, жажда, утомление, труд, слеза, тление, уклонение от смерти, боязнь, предсмертная мука» преп. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. 3,30). Адам до грехопадения не знал, что такое скорбь, усталость, голод... А Христос испытал, что это такое, он «воспринимает поврежденную жизнь», «приял мертвенность нашего повреждения», выбрал «принятую смертность». Эта «новинка», которой не было в богозданном естестве Адама, именуется «страстью» потому, что «страсть» — это страдательность, это испытание давления, оказываемого на меня извне... Из этих «неукорных» страстей легко могут вырасти страсти греховные... Кто легче согрешит — тот, в ком есть страх смерти, или тот, у которого нет страха смерти? Кого легче понудить к предательству — бессмертного или смертного? Кто удобнее пойдет путем греха — голодный или не знающий голода? Наличие всех этих страстей делало человека более доступным для греха. Но Христос эти безукорные страсти в Себя вбирает (никак не приближаясь к подлинно греховным нашим страстям), в Себе исцеляет, насыщает Божественностью, Вечностью, Бессмертием, и Свое человеческое Тело, уже прошедшее через смерть и воскресшее, возвращает нам, Свою человеческую кровь, насыщенную Божественными токами, Он вливает в нас, чтобы мы в себе носили зачаток Воскресения и были причастниками Вечности.

Он не просто вбирает в себя человечество и в Себе его животворит – животворя, Он в нем умирает. Чтобы передать нам исцеленное естество, вырвавшееся из под власти смерти и тления, Христос воскрес. Но чтобы воскреснуть – надо умереть. А чтобы умереть – надо родиться. Все люди умирают, потому что рождаются. А Христос родился в мире, потому что должен был умереть в жертвенной отдаче»⁷³.

Все, о чем говорилось, выше кратко выражено в удивительных словах о Христе, которые мы находим лишь в послании к Евреям: он сделался **«совершенным через страдания»** (Евр 2:10), **«научился послушанию через страдания, которые испытал»** (Евр. 5:8), и **«став совершенным, сделался для всех, кто Ему послушен, причиной⁷⁴ их вечного спасения»** (Евреям 5:9, пер. Кузнецовой). Очевидно, что в Христе как в человеке должно было произойти

⁷² «Протестантам о Православии», стр. 402, А.В. Кураев.

⁷³ «Протестантам о Православии», стр. 351-352, А.В. Кураев.

⁷⁴ В ПНМ греческое слово *aitiос* (виновник, причина, источник) совершенно неверно переводится как «ответственный за».

нечто, что позволило бы ему стать причиной спасения. Этим «нечто» явилось совершенство человеческого естества, воссозданное Христом в самом себе через горнило страданий, смерти и воскресения. Эти слова, кстати, доказывают, что Христос до смерти не был совершенным в том же смысле, что и Адам до грехопадения. Воспринимая для исцеления поврежденное человеческое естество, имеющее немощную уязвимость, он не совершил греха, даже находясь в самом страшном состоянии богооставленности (Мат. 27:46). В этом и заключается его волевая победа над грехом («и так осудил грех в плоти» Рим. 8:3) и онтологическая в воскресении.

Кроме того, согласно словам апостола: «Поэтому, как дети причастны крови и плоти, так и Он стал общником крови и плоти, **чтобы чрез смерть упразднить имеющего власть над смертью, то есть дьявола**» (Евр.2:14, ПЕК). Иными словами воплощение Сына было необходимо для того чтобы через собственную смерть ворваться в царство Сатаны и разрушить адские оковы смерти изнутри, натиском Божественной жизни через воскресение плоти победить саму смерть (см. Деян. 2:24, 2 Тим. 1:10, Отк. 1:18)⁷⁵. Ведь и до Христа воскресали люди. Но это не приводило к таким глобальным последствиям, а значит, Христос был не просто человеком.

Слова ап. Павла: «**он, будучи богат, стал беден ради вас, чтобы его бедностью вы обогатились**» (2 Кор. 8:9:) приобретают, таким образом, вполне конкретный смысл. Позже Отцами Церкви была высказана та же мысль, только другими словами: «Бог очеловечился, чтобы человек обожился» (св. Иринея Лионский)⁷⁶. Древние христиане жили именно с таким ощущением спасения. Христианский апологет II века и защитник апостольской веры Иринея Лионский, писал:

«Итак, Он соединил, как я уже сказал, человека с Богом. Ибо если бы не человек победил врага человеческого, то враг не был бы побежден законно. И опять, если бы не Бог даровал спасение, то мы не имели бы его прочно. И если бы человек не соединился с Богом, он не мог бы сделаться причастным нетления. Ибо Посреднику Бога и человек надлежало чрез Свое родство с тем и другими привести обоих в дружество и согласие и представить человека Богу, а человекам открыть Бога. Ибо каким образом мы могли бы быть причастными усыновления Ему, если бы не опять получили от Него чрез Сына общения с Ним, если бы Слово Его сделавшись плотью не соединилось с нами? Посему Он и прошел чрез всякий возраст, всем возвращая общение с Богом. Итак те, которые говорят, что Он мнимо явился и не родился во плоти и не сделался истинно человеком, доселе еще состоят под древним осуждением, предоставляя греху господство, так как, по их мнению, не побеждена смерть, "которая царствовала от Адама до Моисея и над несогрешившими подобно преступлению Адама" (Рим. 5.14). Закон же, данный чрез Моисея, приходя и свидетельствуя о грехе, так как (человек) есть грешник, хотя устранил его царство, обличая, что он разбойник, а не царь, и показал его человекоубийцею, но отягчил человека, имевшего в себе грех, показывая его повинным смерти. Ибо хотя закон был духовен, но он только обнаружил грех, но не уничтожил, ибо грех господствовал не над духом, а над человеком. Ибо Тому, Его предпринял убить грех и испугать человека повинного смерти, надлежало сделаться тем, чем был Он, т.е.

⁷⁵ Если Христос воскрес не во плоти, а как дух, то цель его воплощения обесмысливается. Грех и смерть должны были быть побеждены именно во плоти. Раз тление поразило человеческое естество, которое немислимо вне материального тела, значит, нетленная жизнь также должна была воссиять в теле из плоти (Иоанна 2:19,21).

⁷⁶ Обожение (гр. теозис) – уподобление человека Богу, восстановление в нем образа Божия, становление богом по благодати.

Человеком, Который был приведен в рабство грехом и находился под властью смерти, дабы грех был умерщвлен человеком и человек ушел от смерти. Ибо как чрез непослушание одного человека, который был первоначально создан из неводеланной земли, многие сделались грешниками и потеряли жизнь, так надлежало, чтобы чрез послушание Одного Человека, Который первый родился от Девы, многие оправдались и получили спасение. Таким образом Слово Божие сделалось человеком, как и Моисей говорит: "Бог, истинны дела Его" (Вт. 32.4). Если же Он не сделавшись плотью казался как бы плотью, то не истинно было дело Его. Вот чем казался, то Он и был, - *Бог, восстанавливающий в Себе древнее создание человека, чтобы убить грех и упразднить смерть и оживить человека*: и поэтому-то истинны дела Его» («Против ересей», Гл. XVIII, п. 7).

Смерть Христа не только исправила повреждение человеческого естества и разорвала узы смерти, но и воссоединила под его главой все «земное» и «небесное» (Эф. 1:10, Кол. 1:20). Грех Адама внес разлад в весь миропорядок. Мир духовный и земной отныне не пребывали в гармонии, но Христос разрушил эту стену отчуждения, соделав человека не чуждым небу. Ясно, что смерть совершенного человека не способна сотворить то, что произошло. Вернуть мирозданию прежнюю духовную гармонию мог только его Творец.

Итак, именно сотериология ставит перед отрицанием Божества Христова непреодолимое препятствие. Ранние христиане жили с этим ощущением спасения, которое воплотилось во Христе. Для них он был *«единственным врачом, телесным и духовным, рожденным и не рождённым, Богом во плоти, в смерти истинной жизнью»* (Игнатий Богоносец, 107 год н.э.). Ссылаясь на Септуагинту, ранние христиане в гимнах провозглашали: *"Не ходатай и не ангел, но Сам Господь спас их; по Своей любви к ним и снисхождению Он искупил их"* (Иса. LXIII, 9). В ВЗ пришествие Бога означало спасение: **«Бог придёт и спасёт вас. Тогда раскроются глаза слепых и уши глухих откроются. Тогда хромым будет скакать, как олень, и язык немого будет радостно восклицать»** (Исаия 35:4—6, ПНМ). Вспомним, что слова эти Христос относил к себе (Мат. 11:5).

Все унитарии, начиная с древних ариан и заканчивая Свидетелями Иеговы, отрицая полноту Божества Сына, делают невозможным спасение рода человеческого. И в этом заключается самое страшное последствие такого богословия – отвернуться от того, что дарует Бог чрез Христа - жизнь вечную.

Роковые последствия

Искаженное учение о Боге самым явственным образом ставит под вопрос спасение. Особенно это очевидно на примере понимания крещения и Евхаристии (Вечери Господней).

Христос ясно и однозначно сказал, что крещение является условием спасения: **«Истинно, истинно говорю тебе: кто не родится от воды и духа, тот не сможет войти в царство Бога»** (Иоанна 3:5, ср. Мар. 16:16).

В публикациях Общества крещение понимается как *символ* посвящения Богу: *«Христианское водное крещение — это видимый для других символ того, что крестящийся полностью и безоговорочно посвятил себя через Иисуса Христа исполнению воли Иеговы Бога»* («Рассуждение», с. 206). Крещение даже не является самым посвящением, которое совершается

в молитве до крещения, а лишь его символом. Никакого другого смысла крещение не имеет. Однако это выглядит совершенно странным, что символическое действие, тем более совершаемое для других, является условием вхождения в Царство Бога. В публикациях не объясняется, почему именно крещение необходимо. Утверждается лишь, что оно важно и заповедано Христом.

Однако в НЗ есть вполне очевидные тексты, прямо указывающие на истинный смысл крещения:

«Раскайтесь и пусть каждый из вас крестится во имя Иисуса Христа **для прощения ваших грехов, и получите дар святого духа**» (Деян. 2:38, ПНМ).

«Итак, что ты медлишь? Встань, **крестись и смой свои грехи**, призвав его имя» (Деян. 22:16, ПНМ).

«чтобы освятить его[собрание], очистить его, омыв в воде посредством слова⁷⁷» (Эф. 5:26, ПНМ).

Хотя Общество и не признает этого⁷⁸, из самого текста очевидно, что крещение совершается для прощения грехов и дальнейшего получения Святого Духа. Следовательно, в крещении действует сам Бог, а значит, оно есть не просто декларативный акт со стороны человека, но таинство⁷⁹.

Крещение напрямую относится к спасению: **«Он спас нас чрез омовение возрождения и обновления Духом Святым»** (Тит.3:5, ПЕК). Здесь апостол употребляет тоже слово, что и Христос, употребивший его в эсхатологическом значении по отношению к обновлению мира во времена прихода Царства Божия («при *воссоздании*, когда Сын человеческий сядет на свой величественный престол», Мат 19:28). Крещение названо «омовением возрождения» потому что полагает начало «новому творению» (2 Кор. 5:17), «рождению свыше» и «усыновлению». В крещении человеку даётся «Божье семя» (1 Ин. 3:9, 1 Пет. 1:23), «залог Святого Духа», гарантирующий участие в вечной жизни и воскресении (2 Кор. 1:22, 5:5, Рим. 6:3). Все это, несомненно, происходит на реальном, хотя и невидимом, уровне.

Однако все эти положения теряют свою реальность в юридическом богословии СИ:

*«Конечно, само усыновление не меняет греховную природу этих людей. Они по-прежнему остаются несовершеннолетними (1 Иоанна 1:8). Тем не менее, как объяснил Павел, **меняется их статус**. Дух Бога заверяет их в том, что они будут жить с Христом на небе (1 Иоанна 3:2). Эта твердая убежденность полностью меняет их взгляд на жизнь (2 Коринфянам 1:21, 22). Они рождаются снова и вступают в совершенно новые отношения с Богом»⁸⁰.*

Вновь весь акцент делается не на реальное положение, а на статус. И все от неправильного понимания сути искупления. Статус существует лишь в чьем-либо восприятии.

⁷⁷ Здесь употреблено греческое слово *рэма* (изречение, фраза, слово произнесенное), не слово *логос* (!), которое обозначат Слово Бога, а значит, речь идет не о Библии, а о словах, произносимых во время крещения. Согласно древнейшему христианскому памятнику Дидахе (нач. II века) крещение совершалось при произнесении слов «во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Дидахе 7:1,3).

⁷⁸ «Он [ап. Петр] также не имел в виду, что крещение во имя Иисуса избавляет от грехов (Деяния 2:10)» (Сторожевая башня за 2002 от 1 апреля. с. 11 абз. 6).

⁷⁹ По учению христианской церкви *таинство* есть священнодействие, в котором верующим сообщается под видимым образом невидимая благодать Божия.

⁸⁰ Сторожевая башня за 2009 от 1 апреля, стр. 11.

Соответственно, статус людей изменился в глазах Бога. Значит, изменение произошло не в людях, а в самом Боге! Какая польза спрашивается больному, если врач вместо реального исцеления от болезни, по окончании курса лечения лишь провозглашает человека здоровым, тогда как в действительности он останется тем же, каким и был!?

«Первородный грех недостаточно просто простить. Это - повреждение природы, требующее действенного исцеления. Это болезнь, её мало простить, её нужно исцелить. Исцелённую природу мы видим у воскресшего Христа. Тот, кто остаётся смертным (т.е. тленным), ещё не исцелён. Ему дано только начало, только семя Христова преобразования. Уничтожив в нас диктат греха, крещение не уничтожает его самого. Мы не перестаём быть способными совершать грех. При помощи благодати Божией, подаваемой в крещении, нам предстоит самим искоренить в себе греховные наклонности. "Должно стараться, чтобы вы познали, каким путём можете достигнуть отпущения грехов и получить надежду наследия благ обетованных. Другого пути к сему нет, кроме того, чтобы, познав Христа и омывшись крещением во оставление грехов, начали потом жить безгрешно". "Христос насаждается в сердца наши таинством святого крещения как семя в землю. Дар этот сам собою совершен: но мы его или развиваем или заглушаем, судя по тому, какое проводим жительство. По этой причине дар сияет во всём изяществе своём только в тех, которые возделывают себя евангельским заповедями и по мере этого возделания"»⁸¹.

«При крещении даётся семя, которое мы должны в себе возрастить. Разве происходит преобразование в нового человека автоматически? Нет, мы остаёмся плотными, т.е. подверженными всем болезням (духовным и физическим) и самой смерти. Происходит нечто иное: в нашего ветхого человека всевается семя Нового Человека и, как при каждом таинстве, происходит освящение. Однако ветхий человек автоматически не превращается в первозданного. Что же происходит в человеке? Первичное заражение в нас не исчезает и ничуть не умаляется. Но при этом в крещении подаётся нечто новое - начаток инобытия, новый (для падшего естества) образ единения с Богом, начало жизни во Христе. В ветхое привносится новое, чтобы этой новизной преобразить всё естество и сделать его хриstopодобным. "Оная будущая жизнь как бы вливается и примешивается к сей настоящей". Таким образом, человек вырывается из состояния фатальной смерти, господства повреждённого естества. "Искуплением обновлено человеческое естество. Богочеловек обновил его Собою и в Себе. Такое обновлённое Господом естество человеческое прививается, так сказать, к естеству падшему посредством крещения. Крещение, не уничтожая естества, уничтожает его состояние падения; не делая естества иным, изменяет его состояние, приобщив человеческое естество естеству Божию", - со ссылкой на 1Пет. 1:4 излагает православное учение святитель Игнатий Брянчанинов»⁸².

Итак, в концепции крещения СИ нет места благодатному действию Бога. Нет места прощению грехов, дарованию залога Святого Духа, того «семени», которое способно по-настоящему преобразить «ветхую личность» в «новое творение» по образу Христа.

⁸¹ «Православие – Протестантизм. Штрихи полемики», стр. 77, свящ. Вячеслав Рубский.

⁸² Там же.

Не менее трагичным оказывается взгляд СИ на Евхаристию, которая в публикациях чаще называет Вечеря Господня. Подобно крещению, участие в Вечере носит чисто символический характер: *«когда помазанники пьют вино, которое символизирует «кровь завета», они показывают, что приняты в новый завет и получают его благословения»⁸³.*

Однако, читая послание ап. Павла, создается совершенно иное восприятия Евхаристии первых христиан: **«Чаша благословения, которую мы благословляем, не есть ли приобщение крови Христовой; хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение тела Христова? Так как хлеб - один, то мы многие - одно тело; ибо все причащаемся от одного хлеба»** (1Кор.10:16-18, ПЕК).

Можно ли понимать эти слова лишь образно? Является ли приобщение к Крови и Телу Христа не действительными, а лишь мысленно символическими? Контекст не позволяет так думать. Обратите внимание на дальнейшую речь апостола, призванную проиллюстрировать истинность прежде сказанного: **«Так что я имею в виду? Что принесенное в жертву идола что-то значит или что сам идол что-то значит? Нет, конечно! Но когда язычники приносят жертву, они приносят ее бесам, а не Богу. А я не хочу, чтобы вы были причастны к бесам! Вы не можете пить и из чаши Господа, и из чаши бесов!⁸⁴ Вы не можете разделять и Трапезу Господа, и трапезу бесов!»** (1Кор.10:19-22, пер. Кузнецовой). Итак, суть аргумента в противопоставлении. Если участие в бесовских трапезах не было реальным приобщением к демонам, то в чем сила мысли апостола? Если питье из чаши бесовской делало человека реально причастным к демонам, то значит и питье из «чаши Господа» делает нас реально причастными к Христу, к его спасительной жертве!

Кроме того, если Евхаристия не есть реальность приобщения воскресшему телу распятого Христа, то непонятна серьезность страшного увещания апостола: **«И потому, кто ест хлеб или пьёт чашу Господа недостойным образом, на том будет вина за тело и кровь Господа»** (1 Кор. 11:27). Более того, если Евхаристия лишь символ, а не святыня, то в чем смысл слов Павла: **«А кто ест и пьёт, не осознавая, что это тело, ест и пьёт себе в осуждение. И потому многие среди вас слабы и больны, и немало спят смертным сном»** (1 Кор. 11:29—31)?

Евхаристия была тем корнем, из которого выросла первохристианская община. Еще не было написано ни одного Евангелия и послания, а христиане уже собирались для совершения Евхаристии. Апостольская Церковь изначально была евхаристической общиной. Это прекрасно видно из книги Деяний апостольских, где Евхаристия названа «хлебопреломлением»⁸⁵ (см. Деян. 2:42, 46, 20:7).

Древним христианам (ученикам апостолов рубежа I-II века) было совершенно чуждо символическое понимание Евхаристии, лишь как воспоминания страданий и смерти Христа. Не рассматривали они и хлеб с вином на Вечере как символы, принимая от которых человек показывает, что с ним заключен завет на Царство. И уж тем более, ранним христианам и в

⁸³ «Сторожевая башня» за 2006 от 15 февраля с. 23 абз. 11.

⁸⁴ «За языческой трапезой в праздники совершались возлияния из чаш в честь разных богов. Первая чаша с вином была посвящаема Юпитеру, вторая - Юпитеру и нимфам и третья - Юпитеру Спасителю (Salvator). Кто испивал из этих трех чаш, которыми обносили всех гостей, тот, очевидно совершал служение идолам и вместе с ними ставил себя под влияние бесов» («Толковая Библия», под ред. А. Лопухина).

⁸⁵ То, что под хлебопреломлением подразумевается Евхаристия, а не просто обычная совместная трапеза, доказывается не только тем, что выражение это указывало на Евхаристию у ап. Павла (1 Кор. 10:16; 11:23-24), но и тем, что в Деян. 2:46 прием пищи уже упомянут; в результате получается тавтология «ели вместе в своих домах, принимая пищу» (ПНМ).

голову не могло прийти, что можно называться христианином и добровольно отказываться от хлеба и вина на Вечере:

«И от Евхаристии вашей никто да не вкушает и не пьет, кроме крещенных во имя Господне, ибо и о сем сказал Господь: не давайте святыни псам» (Дидахе 9:5, кон. I века н.э.).

«Евхаристия есть плоть Спасителя нашего Иисуса Христа, которая пострадала за наши грехи, но которую Отец воскресил, по Своей Благодати. Таким образом, отмечая дар Божий, они[еретики] умирают в своих прениях»(Игнатий Антиохийский, Послание смирнийцам, 107 год н.э.).

«Пища эта у нас называется Евхаристией (благодарением)⁸⁶, и никому другому не позволяется участвовать в ней, как только тому, кто верует в истину учения нашего и омылся омовением в оставление грехов и в возрождение, и живет так, как предал Христос. Ибо мы принимаем это, не так как обыкновенный хлеб или обыкновенное питье: но как Христос, Спаситель наш, Словом Божиим воплотился и имел плоть и кровь для спасения нашего, таким же образом пища эта над которой совершено благодарение чрез молитву слова Его, и от которой чрез уподобление получает питание ваша кровь и плоть, есть-как мы научены-плоть и кровь того воплотившегося Иисуса» (Иустин Мученик, «Апология первая», п. 66, 150 год н.э.).

«Наше же учение согласно с Евхаристией, и Евхаристия в свою очередь подтверждает учение. Ибо мы приносим Ему то, что Его, последовательно возвещая общение и единство плоти и духа. Ибо как хлеб от земли, после призывания над ним Бога, не есть уже обыкновенный хлеб, но Евхаристия, состоящая из двух вещей из земного и небесного; так и тела наши, принимая Евхаристию, не суть уже тленные, имея надежду воскресения» (Иринея Лионский, «Против ересей», кн. V. гл. XVIII., п.5, ок. 180 года н.э.).

Древние христиане серьезно относились к словам Христа: **«Я — живой хлеб, сошедший с неба. Кто ест этот хлеб, тот будет жить вечно. Этот хлеб — моя плоть, которую я отдам за жизнь мира»** (Ин. 6:51). Но СИ добровольно отказываются от этого хлеба жизни. Видимо они знают какой-то другой способ того, как обрести вечную жизнь в обход самого Спасителя.

Христос - **«пасха наша»** (1 Кор. 5:7). Если мы не вкушаем нашу «пасху», значит, мы не участвуем в спасении, а значит, Жертва Агнца принесена не за нас и благодатный плод воскресения Христа оказывается бездейственным по отношению к нам. Причастие Христу открывает перед нами нечто совершенно новое: «Пасха [Воскресения] — Иного бытия начало. Частицы нового космоса, того космоса, в котором уже нет отравы смерти, в котором побеждена энтропия и смертный распад, вторгаются в нас — чтобы ослабить давление плоти греха на нашу личностную свободу. Наша свободная, личная воля не может быть исцелена Христом прямо, потому что Он не может подменить Собой личный выбор каждого из нас. Но Он освобождает ее от страстного пленения благодаря тому, что дает нам причастие обновленной и исцеленной, преображенной человеческой природе. И поэтому через причастие мы вновь оказываемся в состоянии как бы Эдема: прошлое греха не давит на нашу личностную волю, и

⁸⁶ Сравните это с заявлениями из Сторожевой башни за 1998 год от 15 февраля: «Однако никому не следует думать, что Писание повелевает принимать от символов Вечери воспоминания, чтобы выразить свою *благодарность* за искупительную жертву Христа» (с. 22 абз. 17). Стоит, однако, напомнить, что слово *евхаристия* происходит от глагола *евхарисато* – благодарить.

мы в состоянии свободы делаем свой выбор, не испытывая чрезмерного давления греховного собственного прошлого, привычки нашей природы, искривленной грехом»⁸⁷.

Истинная святость достижима только при воздействии Святого Духа на человека (2 Фес. 2:13, 1 Кор. 6:11). По слову ап. Павла, Бог способен реально действовать в человеке (см. Фил. 2:13). Причем его действие простирается не только на ум; освящение охватывает все естество человека: «И Сам Бог мира **пусть освятит вас полностью и ваш дух, и душа, и тело** пусть сохранится в целости, безукоризненно, при пришествии нашего Господа Иисуса Христа» (1Фес.5:23, ПНМ)⁸⁸.

С точки зрения СИ, святость не онтологична, а функциональна. Для неопротестантов “святой” означает нечто используемое для выражения религиозных мыслей и чувств. Свято то, что употребляется в религиозном служении. Свято - в смысле “отделено”, но не в смысле “причастно”. Для СИ святость выражает лишь отношение человека к предмету, а не присутствие Божьей энергии в нем. Но для апостолов “святое” означало, прежде всего, причастное к Тому, Кто Един Свят, то есть освященное и пронизанное Божьими энергиями (Рим. 8:9, 1 Кор. 3:16, 6:19). И это соединение со Святым реально: «Благодаря им он дал нам драгоценные и величайшие обещания, **чтобы через них вы приобщились к божественной природе, освободившись от порочности**, царящей в мире из-за страсти» (2Пет.1:4, ПНМ). По протестантскому представлению, Бог воспользовался воплощением Сына для того, чтобы изменить Свое отношение к людям. По древнехристианскому же восприятию, суть Евангелия в том, что Бог вошел внутрь тварного бытия ради того, чтобы мир сделать неотторжимым от Себя, чтобы плоть стала не чуждой Божественному Слову. Собою, Своей Вечностью Творец защищает Свой мир от смерти и пустоты, от той порчи, что была наслана на Вселенную свободным безумием ангелов и людей.

Настоящая святость должна быть целью каждого христианина: «**Воля Бога есть ваше освящение**» (1 Фес. 4:3), «Ведь Бог призвал нас ... для того, **чтобы мы были освящены**» (1 Фес. 4:7), «Стремитесь к миру со всеми и **к освящению, без которого никто не увидит Господа**» (Евр.12:14), «Но теперь, когда вы освободились от греха и стали рабами Бога, **ваш плод — святость** и конец — жизнь вечная» (Римлянам 6:22). Но возможно ли достижение святости там, где благодатные средства, чрез которые реально действует Бог, намеренно отвергаются?⁸⁹ Думаю, каждый СИ согласится со словами св. Афанасия Великого: «Бог спасает нас не без нас». Иными словами, он не насилует волю человека. И потому Бог не действует там, где его сознательно не ждут, и не дает своих даров тем, кто их осознанно не просит. Проще говоря, Он не навязывается. Следовательно, как это ни прискорбно признавать, ни крещение, совершаемое СИ, ни подобие Евхаристии, проводимое в Организации, к Богу не приближают. Значит, в СИ не действует «залог» вечной жизни от Святого Духа (2 Кор. 1:22)⁹⁰.

⁸⁷ «Протестантам о Православии», стр. 405. А.В. Кураев.

⁸⁸ СИ отрицают существования души и духа, как нематериальной сознательной субстанции личности человека. И это не позволяет им понять, что преобразующая Божья благодать действует в человеке именно на уровне души и духа.

⁸⁹ Подавляющее большинство СИ из-за субъективных ощущений отказываются от участия в Вечере Господней и сознательно соглашаются с тем, что с ними Бог не заключал Нового Завета.

⁹⁰ Весьма показательным в плане отношения к спасительным средствам от Бога является употребление термина «благодать» (гр. *харис*) в публикациях и Библии Общества. Так, СИ почти всегда заменяют это слово, на выражение «незаслуженная доброта» (то есть всего лишь милость). Хотя довольно часто греческое слово *харис* действительно в НЗ употребляется в значении милости Бога, в ряде случаев оно явно указывает на Божью нетварную энергию, пребывающую в людях. Например, см. Деян. 6:8, Рим. 12:6, 2 Пет. 3:18.

Руководители Организации сами того не ведая сделали все возможное для того, чтобы максимально отдалить простых СИ от апостольского учения. Начиная с 1926 года, руководство Общества в лице президента Рутерфорда в понимании сути христианства сместило акценты с «освящения» или «совершенствование характера» на занятие активной проповедью⁹¹. Отныне считалось, что совершенствование христианского характера искажает суть подлинного христианства, которое виделось главным образом в уличном проповедническом служении. Стоит, однако, обратить внимание на то, что в апостольских посланиях крайне мало говорится об устной проповеди как о главном виде служения Богу; чаще всего истинная праведность и святость христианина подчеркивается его богоугодными качествами и добрыми делами по отношению к ближним (см. Иак. 1:27, 1 Тим. 6:18, 5:9,10, 1 Тим. 2:15, Тит. 2:2-10, 3:8).

Для того чтобы поддержать этот новый для СИ взгляд, со временем простая притча об овцах и козлах (Мат. 25:34-40) стала пониматься совершенно иначе самоочевидному смыслу: накормить голодного, напоить алчущего, принять странника, одеть нагого, проведать больного, навестить заключенного, а если кратко, помочь нашему ближнему как добрый самарянин – означает проповедовать по домам, поддерживая помазанников! Не понятно только, почему Христос, если подразумевал здесь все-таки лишь проповедь от двери к двери, а не обычные дела милосердия и любви, не сказал об этом прямо?! Никак не вмещается в доктринальную схему Организации, что повседневная любовь к ближнему и есть то самое доброе дело, которое мы можем сделать по отношению к людям. Сначала дела - потом слова. Сначала осязаемая любовь, а затем лишь дело благовестия. Молчаливая проповедь добрыми делами часто оказывает большее воздействие на людей, чем проповедь незнакомцев в дверях квартиры.

Слова молитвы «Отче наш», «Да освятится Имя твое» (Мат. 6:9), стали пониматься как выражение желания освящения имени Иеговы самим Богом в Армагеддоне. Имя Бога само по себе свято (Ис. 57:15, Лук. 1:49). Оно не может стать более святым, чем оно есть. Но имя Бога может прославляться в нас. Мы его либо прославляем своей жизнью, либо хулим (Рим. 2:24). Следовательно, речь идет о нас, христианах: «сделай нас святыми, подобно тому, как и Ты через нас прославляешься. Как богохульства произносятся мною, так пусть и святится Бог мною же, т. е. пусть прославляется, как святой»⁹². Интерпретация же Организации лишает СИ молитвенного осознания личной святости.

С апостольской точки зрения жизнь христианина должна *сопровождаться* миссионерской и благотворительной деятельностью, а *не составлять её суть*. Христиане духовны, а значит, духовная жизнь и есть жизнь в собственном смысле для христианина (см. Рим. 8:9,14-17). Следовательно, стяжание Духа Святого есть главная цель каждого христианина! «Плод же Духа — это любовь, радость, мир, долготерпение, доброта, добродетельность, вера, кротость, самообладание. Против всего этого нет закона. Более того, принадлежащие Христу Иисусу пригвоздили к столбу плоть с её страстями и желаниями» (Гал. 5:22, 23).

СИ из личного опыта знают, что проповедь по домам не делает человека по-настоящему духовным. Это в равной степени относится и к повременным проповедникам. Страсти и плотские желания от проповеди никуда не деваются. Из сердца не изживается гордыня, самомнение, злоба и гнев. Помыслы по-прежнему продолжают гнездиться в сердце человека

⁹¹ «Возвещатели», стр. 172.

⁹² Толкования Феофилакта Болгарского на Мат 6:9, XI век н.э.

(Мат. 15:19). Есть лишь временное чувство некой легкости и радости, которое возникает у всех проповедников вне зависимости от вероисповедания.

Всем проповедникам не мешало бы вспомнить слова апостола: «но **бичую своё тело и порабощаю его, чтобы не оказалось, что, достигнув проповедью других, я сам не заслуживаю одобрения**» (1 Кор. 9:27, ПНМ). Каждодневное облечение в новую личность, каждодневная борьба с грешной плотью должны быть главной задачей всей жизни христианина и потому борьба с помыслами и страстями жизненно важна: «**если вы живёте так, как вам диктует плоть, то непременно умрёте, но если убиваете дела тела духом, то будете жить**» (Рим. 8:13, ПНМ). Не сказал апостол: «если не будете ходить по квартирам с проповедями, умрете». Проповедь – великое служение. Но всему должно быть свое место в служении Богу, без перекосов и с правильной расстановкой акцентов. Можно быть великим миссионером и проповедником, но оказаться вне Божьей святости.

Организация СИ предлагает людям узнать о Боге, или, выражаясь языком ПНМ «Чтобы иметь вечную жизнь, необходимо приобретать знания о тебе, единственном истинном Боге» (Ин. 17:3). Однако приобретать знания о Боге еще не означает знать самого Бога.

Нужно заметить, что на языке Библии познать – значит соединиться. «Познать зло» значит приобщиться злу, обрести опыт соединения со злом. Вспомним здесь «дерево познания добра и зла». Когда Христос говорит: "вы познаете Истину, и Истина дарует вам свободу" (Иоан.8:32), он не просто подразумевает получение информации о Истине, нет, познать Истину означало принять Истину в себя, причаститься ей, приобрести реальный опыт жизни в Истине.

Известно, что язык несет в себе отпечаток мировоззрения его носителя. Как в древнееврейском, так и в древнегреческом, слово "познание" в переносном значении означало вступление в половые отношения. Так, в Бытие 4:1 читаем: "Адам познал Еву, жену свою", а в Евангелии: "Мария же сказала Ангелу: как будет это, когда Я мужа не знаю?" (Лук.1:34). И это неспроста, в этом сокрыт глубокий смысл. Высший уровень познания (др. евр. "даат") - это соединение. Познать - значить соединиться. При познании на уровне "даат" человек вступает в глубокую личную связь с объектом, и эта связь должна быть не просто информационной, внешней, интеллектуальной, - но она должна быть внутренней, затрагивающей самые основы личности и меняющей эту личность. При этом объект познания включается внутрь "интимного пространства" познающей личности.

Познание же в нашем представлении есть, прежде всего, акт рассудочно-мозговой и сводится он, как правило, к сбору и осмыслению информации о познаваемом объекте. Во всяком случае, именно такую мысль слов Христа из Ин 17:3, пытается передать ПНМ: приобретение знаний о Боге - путь к вечной жизни. Однако такой подход кажется мне заметным упрощением. Мысль греческого подлинника куда глубже: "А Жизнь Вечная заключается в познании Тебя - единого истинного Бога - и Того, Кого Ты послал, - Иисуса Христа" (пер. Лутковского). Сама вечная жизнь заключается в познании Бога, то есть, в соединении с ним. Никто не может жить вечно в отрыве от Источника вечности. Но как можно быть соединенным с Ним, если «приобщение божественной природе» (2 Пет. 1:4) через Евхаристию СИ напрочь отвергнуто?

Заключение

Прежде чем отмахнуться от того, что написано в этой работе, стоит напомнить самим себе, что христианство онтологично. Оно не сводится к проповедям и исполнению заповедей. Христос пришел передать нам исцеленное естество, вырвавшееся из под власти смерти и тления. Наша задача принять это благодатный дар через Причастие. «Христианин — это, прежде всего, тот, кто разрешает Христу лечить себя. Быть христианином — это означает принять в Себя все те Дары, которые Христос принес нам. Тогда все, что было со Христом, может произойти и с нами. И прежде всего – Его пасха станет нашей. Если воскресло Его тело, то для со-воскресения и мы должны стать Его сотелесниками, а не просто учениками. В падшем человеке поврежден не только ум, больна и душа и тело. Ум наш Христос исцеляет непогрешимым Божественным учением, душу и дух тем, что обновляет нас Духом Святым, а тело? Ведь и оно больно: наше тело не способно жить с Богом. Оно и на земле-то живет до 80 лет... А прожить вечность в Царствии Божиим тем более не способно. Так надо ли лечить такое тело? – надо, ибо «именно ради плоти Сын Божий совершил Свое домостроительство» (св. Ириней Лионский. Против ересей. кн. 4, Введение, 4). А как его вылечить? Телесное надо лечить подобающим ему, т. е. телесным. И поэтому Господь и дает нам Свое Тело, чтобы исцелить наше тело, чтобы приучить его жить в Божественной среде, в Божественном наполнении: «Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: сие есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Мф. 26:26–28)⁹³.

Не существует вероучительных заблуждений, которые бы реально не влияли на содержание духовной жизни. Отрицание воплощения Бога и соответственно Богочеловечества Иисуса Христа, искажает все христианское учение о спасении и делает невозможным наше исцеление, которое как залог будущего начинается с момента крещения.

Большинству СИ мешает принять истину о воплотившемся Боге рациональный подход к вере в Бога. Да, учение о Троице скорее иррационально и потому в сравнении унитаризмом гораздо сложнее для восприятия. Но попробуйте понять, что там, где начинается бытие Бога, наш ограниченный разум неминуемо споткнется. И это нормально, потому что если бы Бог был полностью постигаем, он уже и не мог быть Им.

Троичная сущность Бога является категорией качественной, а не количественной. И потому здесь излишни попытки математического подсчета $1+1+1=1$. Каждая ипостась Божества обладает во всей полноте единой Божественной Сущностью. И потому каждая Ипостась есть целый Бог. В Троице нет места троебожию, потому что Божественная Сущность, а соответственно и воля, у каждой Божественной ипостаси (Отца, Сына и Святого Духа) одна и та же.

Если бы учение о Троице было изобретено человеческим разумом, оно, конечно же, было по-человечески понятным и непротиворечивым. В природе нет полных аналогий Троице, поэтому идея Троицизма не является плодом человеческого ума или результатом восприятия мира.

⁹³ «Протестантам о Православии», стр. 355, 357, А.В. Кураев.

Да, в Библии нет слова Троица. Но нет и слова «теократия». Нет и многих других слов, которые находятся в употреблении. Все же учение о Троице в НЗ есть, но скорее в неявной форме. Пожалуй, самый яркий пассаж, говорящий о Троице – это **Мат. 28:19** («Поэтому идите и во всех народах подготавливайте учеников, **крестя их во имя Отца, Сына и Святого Духа**»). Конечно, в нем нет сформулированного догмата о Троице. Но если присмотреться, то обнаружится, что Сын и Святой Дух не могут не быть тем же Богом, что и Отец. Если крещение – это безоговорочное посвящение Богу (чему соответствуют слова «во имя Отца»), то почему Иисус в том же контексте крещения упоминает на одном уровне с Отцом Сына и Духа Святого? Разве может христианин посвящаться не одному лишь Богу (Отцу), но и Архангелу Михаилу, а так же действующей силе Бога?

Из раннехристианских источников видно, что древние христиане совершали крещение троекратным погружением в воде с произношением слов во имя Отца и Сына и Святого Духа. Для них было совершенно очевидным, что крещаемый посвящается одному Богу в трех ипостасях. Потому совершенно необоснованно пытаться интерпретировать эти слова, так как это делают СИ, разбивая крещения на три разных смысла (в смысле отдельно для Отца, отдельно для Сына и святого духа). Более последовательными оказываются те, кто считает, будто слова о крещении являются вставкой в оригинальный текст Евангелия от Матфея. Понимая, что это текст слишком тринитарный, они настаивают на том, что слова эти не были сказаны самим Христом⁹⁴.

Историческое исследование религиозных движений выявляет одну примечательную особенность: все нетрадиционные христианские группы разных времен, отрицающие Божество Христа, непременно ошибались в очевидных библейских учениях. Так, катары и социниане отвергали выкуп, христодельфиане отрицают дочеловеческое существование Христа и личность сатаны, мормоны дополнили Божье Откровение своими причудливыми книгами (равноценными Библии), пастор Рассел пришел к выводу, что 144 000 являются соискупителями вместе с Христом (о пирамидах и прочих причудах умолчим)! Что же это: странное совпадение или логичная закономерность? Если попробовать разобраться в истоках заблуждений по тем или иным учениям, мы обязательно придем к отрицанию Божества Христа как к их корню. Факт этот заставляет задуматься.

СИ с невероятной легкостью отмахиваются от древнего наследия ранних христиан, учеников апостольских, считая их всех поголовно отступниками. Такая позиция не позволяет им объективно оценить те данные, которые ясно показывают, что уже в начале Пвека христиане исповедовали Божество Христа. Каким образом за столь короткое время христиане могли изменить своей вере в самом ее центральном пункте? Ранние христиан отличались истовостью своей веры. За свои убеждения они шли на растерзание зверям. Как же они могли повсеместно изменить своей вере? Каким образом могла произойти такая коренная реформа сознания, которая не оставила никакого следа сопротивления? Стоит помнить, что христианские общины были разбросаны по территории всей Римской империи, и не имели постоянного сообщения. Каждая община была автономна и руководилась советом

⁹⁴Против такой версии говорят множества фактов. Во-первых, не существует ни одной рукописи НЗ, которая бы не содержала этих слов из 19 стиха. Во-вторых, древний библеист и переводчик бл. Иероним, имел возможность в IV веке сделать копию с оригинальной версии Евангелия от Матфея на иврите (см. «О знаменитых мужах», Творения блаженного Иеронима Стридонского). Однако он в своих комментариях к Евангелию от Матфея ничего не говорит о том, что греческий текст его был изменен в данном месте. В третьих, как широко известная, крещальная формула «во имя Отца, Сына и Святого Духа» фигурирует в ранних христианских источниках первой половины II века, таких как Дидахе, у Иустина Мученика («Апология первая», 61) и у Иринея Лионского ("Доказательство апостольской проповеди", 5).

пресвитеров. Ни о какой духовной власти одного епископа, который мог бы навязать новое взгляд на Христа, не могло быть и речи в столь ранний период христианства. Если ученики апостолов неправильно поняли или намеренно исказили проповедь своих учителей, то где гарантия, что апостолов правильно расслышали в XIX веке американские проповедники?

Характерная печать времени: пастырские письма ап. Иоанна, написанные в конце I века, и раннехристианская письменность II века, большее внимание уделяли доказательству подлинности воплощения и человечности Иисуса Христа (см. 1Ин. 4:2,3, 2 Ин. 7). Дело в том, что одной из самых первых ересей, с которой столкнулась христианская мысль еще при жизни апостолов – был гностический докетизм, учение о призрачности Христа как настоящего человека. Скорее всего, именно по этой причине самоочевидная истина Божества Христова (ср. Ин. 20:28) и его дочеловеческого существования не была главным объектом апологии со стороны христиан. Однако в случае иудео-христианской полемики дело обстояло как раз наоборот. Так, по словам римского философа Цельса (II век н.э.), написавшего против христиан свое «Правдивое слово» (150 г. н.э.): *«Верующие во Христа ставят евреям в вину, что они не веруют в Иисуса как в Бога»* (II.8). О том, что такая полемика имела место, говорят слова Юстина Мученика (ок.100-166 н.э.) в адрес иудейского мудреца Трифона: *«Вспомните и другие слова, сказанные как я уже упомянул, также Давидом, в которых показано, что Он имеет прийти с вышних небес и опять возвратится в то же место, дабы вы призвали Его и Богом свыше пришедшим и человеком, бывшим среди человеков и имеющим опять прийти, когда воззрят на Него и восплачут произившие Его»* («Разговор с Трифоном иудеем», 64).

Освещая историческую ретроспективу раннего христианства, было бы неправильно умолчать о субординационализме (учение о том, что второе и третье лицо Троицы подчинены как по порядку, так и по существу первому лицу) доникейских Отцов Церкви, который был следствием незрелости их богословия. С одной стороны, они прямо называли Единородного Сына Богом по естеству (то есть онтологически⁹⁵), и соответственно вечным⁹⁶, с другой стороны Божественность Сына они рассматривали в каком-то смысле качественно ниже Божественности Отца. В этом их теология была не вполне логична, так как категория Божественности не имеет градации и степени. Это противоречит библейскому монотеизму и являет собой соскальзывание в область концепции политеизма и учения Филона Александрийского⁹⁷. Незрелость доникейского тринитарного богословия объясняется тем, что мысль еще не поспевала за верой, а слова оказывались беспомощными выразить опыт.

Христианство – это путь уподоблению Бога, путь восстановления в человеке образа и подобия Божия, который был поврежден первородным грехом. Человек не в силах самостоятельно исправить этот недуг. Он не может вновь соединить себя с Богом. И потому слова ап. Павла «живёт во мне Христос» (Гал. 2:20) не просто красивая метафора. Нет, эта та новая реальность, в которую вводит нас Христос через свои Плоть и Кровь, даруемые нам в Евхаристии. Христианство – область практики, а значит многочисленные свидетельства христиан древности и современности, которые испытывали на себе реальную действенность силы Причастия, в том числе в борьбе с плотскими помыслами и грехами, не могут быть просто

⁹⁵ Юстин Мученик: «Выше подробно мною доказано, что Христос, Который есть Господь и по естеству Бог, Сын Божий» («Разговор с Трифоном иудеем», 128), Ириней Лионский: «и Отец есть Бог и Сын - Бог, ибо от Бога рожденный есть Бог» («Доказательство апостольской проповеди», 47).

⁹⁶ Юстин Мученик: «Он есть Суций прежде всего, вечный Священник Бога, Царь и Христос» («Разговор с Трифоном иудеем», 96), Ириней Лионский: «Сын вечно существуя с Отцом, издревле и даже искони всегда открывает Отца ангелам, архангелам, властям, силам, и всем, кому хочет Бог открыться» (Против ересей 2.30.9).

⁹⁷ У Филона Александрийского Божественный Логос есть второй Бог, нечто среднее между Богом и творением, уникальный посредник, чрез которого Единый творит материальный мир.

отброшены, ведь практика есть критерий истины⁹⁸. Готовы ли мы всецело принять в себя этот дар Воскресения Христова?

Приложение. Разбор некоторых текстов.

В рамках данной работы не представляется возможным обсуждение всех спорных текстов, которые приводятся в подтверждение природной подчиненности Сына Отцу. Остановимся лишь на двух пассажах для иллюстрации: «Бог «всё покорил под ноги его». Но когда он говорит, что «всё покорено», ясно, что кроме того, кто покорил всё ему. Когда же всё будет покорено ему, **тогда и сам Сын покорится Тому, кто покорил всё ему**, чтобы Бог был всем для всех» (1 Кор. 15:27—28).

Во-первых, совершенно очевидно, что «покорение» Сына Отцу совершенно разнится по смыслу с покорением всех врагов. Сын не восставал против Отца. Следовательно, Сын покорится лишь в каком-то определенном смысле. Во-вторых, следует учитывать контекст: «Сущность дела в следующем: Ему предано все во власть, чтобы всех врагов Бога и человечества упразднил. Когда это исполнено будет, тогда и цель вручения означенной власти будет достигнута и самой той власти продолжаться нужды не будет, почему она и сложена должна быть. И сложится: *«Сын покорится Покорившему Ему всяческая»*, – или, что то же, *«передает Царство Богу и Отцу»*⁹⁹.

Тот же подход верен и в случае со словами ап. Павла: **«Христу глава Бог»** (1 Кор. 11:3). Главенство мужа-христианина над женой-христианкой, о котором говорится в контексте, не властное и не по причине более низкого положения жены. Она по природе точно такой же человек равный мужу. Так и Бог Отец является главой вочеловечившегося Сына в отношении плана спасения человечества, так как он, «смирив себя» и «принял образ раба» (Фил. 2:7,8), чтобы творить волю Отца и стать посредником между человечеством и Богом.

Рассмотрим еще один известный пассаж, принадлежащий ап. Павлу: **«Он есть образ Бога невидимого, Первородный всей твари, потому что в Нем было сотворено всё на небесах и на земле»** (Кол. 1:15,16, ПЕК). Выражение «первородный (или первенец) всей твари» СИ понимают как указание на причастность Сына к творению, правда, первого по времени создания. В ПНМ данный отрывок передан таким образом, что в подобной интерпретации сомнений не остается: «Он — образ невидимого Бога, первенец из всего творения. Посредством его сотворено всё *остальное* на небе и на земле». Мы видим, что для подтверждения своей мысли в Переводе нового мира добавляется предлог *«из»* и слово *«остальное»*, которых нет в греческом подстрочнике. Так же в начале 16 стиха убрано вводное слово «потому что» (ὅτι),

⁹⁸ Известны достоверные случаи, когда Причастие не позволяло экстрасенсам на энергетическом уровне влиять на христиан. Тоже верно и в отношении Крещения: «Однажды я принимал экзамен в одном московском университете. Молодой человек, отвечавший лучше всех в группе, попросил отдельного разговора после окончания экзамена. Его вопрос звучал так: «Скажите, как я могу смыть с себя крещение? Меня крестили в детстве, когда я ничего не понимал, а теперь я чувствую, как это мне мешает». Дальше стало понятно, что этот юноша сознательный сатанист. Я предложил ему написать прошение на имя Патриарха: «Прошу более не считать меня православным христианином». Он отказался, сказав, что это было бы слишком легко, что нужно что-то реально сделать, чтобы смыть с себя следы крещения... Так я получил прямое подтверждение действительности православных таинств (причем самого оспариваемого из них — детского крещения) со стороны противоборствующей силы» («Протестантам о Православии», стр. 47).

⁹⁹ Толкование св. Феофана Затворника на Первое послание к Коринфянам св. ап. Павла.

которое как раз расставляет все на свои места. В самом деле, если толкование СИ верно, то в таком случае мысль ап. Павла становится совершенно бессвязной: Сын есть первое творение, потому что чрез него сотворено всё. Во-первых, из того, что он первое творение, никак не следует того, что все чрез него сотворено, а во-вторых, если *все* сотворено им, то сам он творением быть не может. Если же слова апостола понимать в том смысле, что Сын превыше всего творения (семантическое поле слова «первенец» дает такую возможность, см. Пс. 89:27 [88:27]), то связь с последующим придаточным предложением причины («потому что все сотворено в Нем») становится совершенно очевидной.